

Илья Коган

МАЛЕНЬКИЙ
ФИШКИН

Быль-небылица

Илья Коган

**Маленький Фишкин.
Быль-небылица**

«Издательские решения»

Коган И.

Маленький Фишкин. Быль-небылица / И. Коган — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859750-3

Эту фантастическую повесть я придумал для самого себя. А потом подумал: может, и другим будет интересно посмотреть в волшебный телескоп на далекое-далекое военное детство маленького человечка, чьи выдумки помогли пережить не очень-то доброе время...

ISBN 978-5-44-859750-3

© Коган И.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Маленький Фишкин Быль-небылица

Илья Коган

Редактор Елена Полякова

© Илья Коган, 2018

ISBN 978-5-4485-9750-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Это было давно и неправда.

– Ум-па-па... ум-па-па... ум-па-па...

Я старательно изображал оркестр. А Сюня крутил ручку шарманки. На самом деле это был обыкновенный деревянный ящик, который мы обклеили обложками журнала «Нива». Их много валялось под крыльцом у соседки, тети Марты. А вместо ручки Сюня приспособил большущий кривой гвоздь. Ну и еще он придумал подставку под ящик. Ненормальный, ненормальный, а голова у него работала.

– Ум-па-па... ум-па...

Пришлось остановить «музыку»: по площади загрохотал трамвай. Со ступенек посыпался народ. И, надо же, прямо в нашу сторону вывалились мои одноклассники. Алешка Сумароков и Сашка Атлантов. Их здесь только и не хватало.

– Ну! – повернулся ко мне Сюня, когда дребезжание трамвая стихло.

– Ум-па-па... ум-па-па... ум-па-па... – «заиграл» я, прячась за Сюнину спину.

– Громче! – приказал он.

– УМ-ПА-ПА!.. УМ-ПА-ПА!.. УМ-ПА-ПА!.. – заорала «шарманка». А Сюня запел:

*– Купите, койфт же, койфт же папиросн
Трукене фун регн нит фаргосн...*

Этой песне нас научил Соломон. Он говорил, что она из Одессы. А мама говорила, что все одесские песни – сплошная бульварщина. А что это значит, не объясняла.

*– Граждане, купите папирасы!
Подходи, пехота и матросы....
Подходите, не жалейте,
Сироту меня согрейте,
Посмотрите – ноги мои босы...*

– Вы что, с ума сошли?

Алешка тарачил на меня глаза. А Сашка, – вот добрая душа, – сразу встал рядом со мной.

– УМ-ПА-ПА!.. УМ-ПА-ПА!.. УМ-ПА-ПА!.. – орала теперь «шарманка» в два голоса.

А Сюня пел:

*– Мой папаша под Херсоном жизнь свою отдал,
Мамочку из автомата немец расстрелял,
А сестра моя в неволе.
Погибает в чистом поле.
Так своё я детство потерял.*

– Смотри, Зин! – услышал я из небольшой толпы. – Первый раз вижу евреев-попрошаек!

– И-и, милая, война и не такое с людьми делает!

Алешка аж приплясывал вокруг нас от злости.

– Слышали, что говорят! А если в школе узнают? Не видать тебе тогда красного галстука!

И нам заодно!.. Пошли, Саш!

Но Сашка упрямо распевал со мной:

– УМ-ПА-ПА!.. УМ-ПА-ПА!.. УМ-ПА-ПА!..

И жалостливый Сюнин голос растекался по площади:

*– Граждане, я ничего не вижу
Милостыню вас я не обижу.
Подходите, не робейте,
Сироту, меня согрейте,
Посмотрите – ноги мои босы.*

А что? Мелочь сыпалась в Сюнину кепку. Слушать было приятно. Одному Алексею это не нравилось. Подумаешь фон-барон какой! Знал бы он, для чего нам нужны деньги!

– А для чего? – словно услышал мои мысли Сашка. – Для чего вы деньги-то собираете?

– Ум-па-па...

Я остановился перевести дыхание.

– Сейчас допоем, я тебе такую вещь покажу!

Но Алексей тянул друга за рукав.

– Да брось ты Фишкино вранье слушать! Парад-алле же начинается!

– Какой такой «алле»? – не понял я.

Алешка свысока смотрел на меня. Хотя мы были почти одного роста.

– Темнота! Ты что, афиш не читаешь? Цирк же приехал!

Да знал я, знал! И про афиши, и про цирк, и про знаменитого дрессировщика Гурова! И про цирковой парад слышал! И нечего этому умнику Алешке с каким-то там «алле» выстав-ляться!

А «алле» уже было здесь.

Вот это да! Я такого никогда не видел! Прямо по площади Ленина неслись вприпрыжку веселые акробаты. Они крутились колесом, играли в чехарду, подбрасывали друг друга. Ну прямо выше крыш! А за ними бежали жонглеры, и над их головами летали шары и тарелки. И ни одна не разбилась!

Мы с Сюней скоренько-скоренько оттащили нашу шарманку в сторонку. И во время. Потому что по площади уже плыли мохнатые верблюды. Цокали копытами, мотали головами. И клоун с красным носом кричал в рупор:

– Все! Все! Все! Старые и малые! Гражданские и военные! Все на представление! Каж-дый вечер в цирке! Полеты под куполом! Мировые рекорды! Один на один с тигром!

Музыканты трубили. Барабан бил. Дети визжали. Сюня хлопал в ладоши. Тарарам! И посреди этого тарарама спокойнее всех выступал слон. Огромный! Толстопузый! Спина его была покрыта ковром, а на боку висела афиша.

*«Цирк зверей! Знаменитая династия Гуровых!
Феерическое представление «Гитлер капут!»
с участием дрессированных животных!
Цирк и зверинец по одному билету!».*

Сам Гуров ехал в тележке, похожей на катафалк с нашего кладбища. Он сидел в кресле и важно кланялся то в одну, то в другую сторону. А рядом с ним на маленькой лошадке скакала девочка. Ну не старше меня. Но вся такая рыжая и в веснушках. И отчаянная какая-то. Вдруг вскочила на ноги и давай крутиться на одной ноге. Прямо на спине лошади! Я бы так не смог! И Алешка с Сашкой, думаю, тоже. А она крутанулась раз... второй... третий... .. юбочка превратилась в колокол... веснушки слились с косами в рыжее солнце...

– Во дает! – сказал я Сюне.

Но он почему-то смотрел в сторону. И я посмотрел... Вот те на! Последней в цирковом параде шла корова. Шла и мычала. И пускала слюни. Ее окружала ватага шпанят. По-моему, им хотелось прокатиться.

– Манькес! – сказал Сюня.

И правда, это была наша Манька. Но как она тут очутилась? Я же привязал ее у самого края площади, на бывшем сквере. Там еще оставались клочки не вытопанной травы. Видно, эти шпанята ее и отвязали. И пристроили к параду.

– Маня! Манюня! – кинулся я со всех ног за нашей кормилицей. Она и ухом не повела. Топала себе за цирком, будто нашла новую семью... Ну нет! Я представил, что будет с нашей хозяйкой, тетей Катей, если мы придем без коровы.

– Манюня! – потянул я за веревку, обмотанную вокруг коровьей шеи. Манюня уперлась.

– Сюня! – позвал я на помощь. – Саш!

Даже Алешка приплелся. Вчетвером мы затолкали Маньку к дверям Горсовета. Всю дорогу она старалась подцепить кого-нибудь рогами.

– Торeadор, смелее в бой! – подзуживал меня Лешка.

Пока мы воевали, парад ушел. Не стало слышно музыки, только трамвай звенел да скрипел колесами.

– Ну давай! – сказал Саша. – Показывай свою редкую вещь!

Я накрепко привязал Маньку к крыльцу Горсовета и повел друзей через площадь.

Мы открыли дверь в магазин с вывеской «Антиквар». Звякнул колокольчик, но на него никто не вышел. Магазин был почти пуст. Исчезли старые люстры, подсвечники, картины не висели на стенах, а стояли, прислоненные к ним, маятник валялся отдельно от больших часов. Но «наш» футляр был на месте. Я осторожно поднял крышку: на черном бархате, вытянувшись во весь свой рост, лежала потемневшая от времени золотая (нет, теперь я уже знал, латунная) труба.

– Смотри! – сказал я Сашке. – Телескоп! Самый настоящий телескоп!..

Я провел пальцем по всей его длине, до самой крышечки на переднем стекле.

– О, майн гот! – послышалось за спиной. – Ви все-таки пришел! Бедный Карл думаль, что ви про него фергессен... забиль...

– Ну, что вы, Карл Иванович! – повернулся я к продавцу. – Он вот, – показал я на Сюню, – думает, где деньги взять...

– И всего-то фюнфхундерт... пятьсот... О, я би с моим удовольствием просил меньше... но я же не хозяин... Я простой завьедуци... Цванциг лет завьедуци... А теперь мне говорят: ты – немец, ты должен ехать нах Казахстан... там твое место!.. Карл всю жизнь жить в Россия... Майн зон... мой сын Иоханн... Ванья по-русски... воюй на фронт... храбро воюй... получил медаль... А меня нах Казахстан...

– Ну что вы так, Карл Иванович! – не знал я как утешить старика. – Казахстан же рядом... Да у нас соседи казахи, к ним дед приезжает на верблюде!..

– Э!.. – махнул рукой бедный немец. – Ви не понимает, что есть хаймат... где вырос... где могилы фатер унд муттер...

Я промолчал. Я не умел сказать ему, что мы тоже живем в чужом городе, что наш настоящий дом вовсе не здесь, а из нашего нас выгнала война... И что не очень понимаю, кому мешает продавец всякого хлама...

Карл Иванович закрыл изнутри дверь магазина и аккуратно достал трубу из футляра. Он устанавливал телескоп на треногу, вытягивал ее раздвижные ноги и рассказывал:

– Это не есть простой труба... Это телескоп самого Иоханнес Кеплер! Он был великий кюнстлер... э... художник... да-да, художник всей механик... Он знал тайну мира... Он слышал мюзик звезд и мог видеть прошлый унд цукунфт... будущий...

Алешка недоверчиво качал головой.

– Труба, конечно, забавная... Но что ты с ней делать будешь?

– Он хочет видеть Америку! – показал я на Сюню.

– Не знаю... не знаю... – задумался Карл Иванович. – Америка есть на Земле... Но свет... как это?... гуляйт по миру... по вселенная... Все видеть... все хранить...

Сюня приложил к глазу свернутые в трубочки ладони.

– Америка! Америка! – загудел он. – Я все вижу!.. Вот она Америка! Рукой достать!

– Зейст! – похлопал Карл Иванович по телескопу. – Смотреть! Вот он – ваш Америка!

Я приложил глаз к трубе. И отшатнулся: прямо на меня глядел огромный глаз. Я выплянул в окно: на другом конце площади головой ко мне стояла привязанная корова.

– Ого-го-го! – не смог удержаться я. – Чудище какое-то!

Потом в телескоп глядели ребята.

– Ни фига себе! – удивился Сашка. – Вот бы на звезды посмотреть!

– Хо-хо-хо! – засмеялся Алешка. – Фишка-астроном! Да он ни одной звезды не знает!

– Как это не знаю! – обиделся я. – А Первая?

– Какая такая «Первая»?

– Ну, моя бабка Злата постится всегда до Первой звезды!

Один Сюня был расстроен: – Америки не видно!

– Америк на другая сторона Земля, – успокоил его Карлуша. – Может быть, смотреть на Луна и видеть отражение? Может быть, свет гуляйт над Земля и приносить вид Америк?..

Карл Иванович аккуратно сложил телескоп и треногу и закрыл футляр.

– Э, молодой человек... Я скажу: у вас есть недель! Через недель я должен ехать нах Казахстан... Приносить деньги, и труба ваш...

– Тухлый немец! – сказал Алешка, когда мы вышли из магазина. – В Казахстан ему не хочется! А сам по-русски говорить не научился!

– Ну и что! – вступился я за бедного немца. – Вон и моя бабка все время путает русский с еврейским. Что ж, ее тоже в Казахстан?

Алешка как-то нехорошо помолчал, как будто решая, что надо делать с моей бабкой. Потом вывернулся:

– Причем здесь твоя бабка!.. Ты, Фишка, что ли не понимаешь? Война у нас с немцами! Ты все Пушкина читаешь, а мой отец говорит: сейчас наш главный поэт Симонов! Знаешь, какие у него стихи!

Алешка стал в позу, выбросил руку вперед и начал, как актер на сцене:

*– Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,
Где ты, в люльке качаясь, плыл...*

Тут он остановился и объяснил:

– Мы с отцом вместе учили. Он в театре читать будет, а я в госпитале, раненым...

Алешка был из «театральных». Его родители вместе с театром эвакуировались из Москвы и жили в школьном здании, в классах, увешанных географическими картами. Поэтому Алексей назубок знал кучу разных рек, заливов, городов. Стоило заглянуть к нему, как он тут же принимался пытаться меня: – Ну-ка, найди-ка на карте... Парамарибо!..

Я что – ненормальный! Почему я должен знать, что это за Пара... мара... рибо?..

*– Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы...*

Мы переходили площадь. И Алешка печатал шаг, как настоящий красноармеец. И мы вместе с ним. Только Сюня кряхтел, волоча свою шарманку. А корова Манька даже перестала жевать и пялилась на нас своими грустными глазами. Слушала Алешку.

*– Если ты фашисту с ружьем
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что родиной мы зовем, —
Знай: никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь;
Знай: никто его не убьет,
Если ты его не убьешь...*

Ох, как все верно было в этих стихах! Хотелось взять винтовку и идти стрелять в этих гадов! Бах! Бах! Бах! Чтоб ни одного не осталось на нашей земле!

*– Так убей же немца ты сам,
Так убей же его скорей.
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!*

Только я все равно не мог понять: а причем здесь Карл Иванович?

– Не видать вам этого телескопа! – сказал Лешка, когда мы собрались домой. – Это ж какая прорва – пятьсот рублей!
– А и правда, где вы возьмете столько денег? – засомневался и Сашка.
– Хвейс? – отвечал Сюня. – Я знаю?.. В Америка можно ограбить банк...

День был жаркий, и мы лениво плелись по теневой стороне. Сюня тащил шарманку, а Манька хватала на ходу редкие травинки.

Все было как всегда. Старые казашки на лавочках тетешкали кривоногих младенцев, русские старушки лузгали семечки, шелуха скрипела под ногами, на перекрестках старались перекричать друг друга костлявые еврейки.

На Ленина сошел с рельсов трамвай. Военный грузовик, прицепив канат, втаскивал его обратно. Пассажиры дружно подталкивали вагон. Командовал всеми инвалид на костылях.

– Ну-ка, все на «раз»! – хрипел он. – Навались, братцы-сталинградцы!

Мы с Сюней, конечно, тоже навалились. Вагон заскрипел, дернулся, поддался... И вдруг покатился прямо на грузовик.

– Держи! – закричали все разом. И задержали – удар получился мягким.
– Холера! – сказал Сюня. И мы побрели дальше.

Под мостом буксир тянул облезлую баржу. Сквозь дыры в брезенте проглядывали бока зеленых туш.

– Танки! – показал я Сюне. – Раз, два, три, четыре...

– Ты зачем считаешь! – остановился рядом военный с палкой и тоже заглянул за перила. – Восемь, девять... – машинально досчитал он. – Не знаешь разве: у фашиста везде уши!.. А вы почему не на фронте? – зыркнул он на Сюню.

Сюня отшпилил карман, пришитый теткой Рейзл к рубашкиной изнанке, и протянул военному обтрепанную бумажку. А я из-за его спины стал крутить пальцем у виска.

– Все вы... – буркнул военный, возвращая бумажку. – Больные на голову...

Я думал: спросить или не спросить, кто «вы», но он уже шагал по мосту, постукивая тростью.

– Ин дрерд! – пустил ему вслед Сюня.

И чего он к нам прицепился?

На следующий день мы снова были на площади. В этот раз я привязал Маньку прямо за магазином Карла Ивановича. Там начинался спуск в овраг и все было в траве. В самый раз для коровы.

Народу сегодня было меньше. Поэтому Сюня старался петь пожалостливее. Соображал.

– Ум-па-па... ум-па-па... ум-па-па... – umpala моя «шарманка». А Сюня пел:

– Отец мой пьяница,
За рюмкой тянется,
А мать – уборщица,
Какой позор!
Сестра – гулящая,
Всю ночь не спящая,
Братишка маленький – карманный вор.

И вдруг мое «ум-па-па» стало в три раза громче. Оказывается, Алексей и Саша подкрались сзади и добавили «перца» в музыку «шарманки».

– УМ-ПА-ПА!.. УМ-ПА-ПА!.. УМ-ПА-ПА!..

– Купите бублички,
Горячи бублички,
Гоните рублички
Да поскорей!
И в ночь ненастную
Меня, несчастную,
Торговку частную
Ты пожалей!

– Слушай, Фишка! – остановил мою «шарманку» Алексей. И заглянул в Сюнину шапку. – Так вы до морковкиного заговенья собирать будете...

Я не знал, что такое это «заговненье» и когда оно наступит. Но спрашивать не стал.

– У меня для твоего дядьки работа есть.

– Да ты что! – Я решил, что он шутит.

– Не-е, я серьезно!.. Понимаешь, у нас сегодня вечером «Гамлет». А всех наших стражников и могильщиков забрали на войну.

– И Принца Датского?

– Не-е, у него бронь. И у отца, и у всех заслуженных и народных... Короче, твой дядька мог бы и театр выручить и денежку заработать.

– Ты же знаешь, он «того»... – поскреб я в затылке. – Двух слов связать не может...

– Да кто от него требует! Его дело надеть камзол, взять алебарду и молча стоять в углу!

– Ну, не знаю...

– Да и знать нечего! – поддержал друга Сашка. – Собирайтесь!

Пока Сюня собирал шарманку, я побежал за коровой. Но по дороге лишний разок заглянул к Карлу Ивановичу. И надо же, прямо в дверях столкнулся с хромым военным. Тем самым, что вчера приставал к нам на мосту. Почему-то он долго-долго рассматривал меня, будто старался запомнить.

– Шнеллер, мальшк! Скорей! – торопил меня Карл Иванович. Он прямо втащил меня в магазин и быстро запер дверь.

– Этот тшеловек надо бояться! Опасный тшеловек! Настоящий наци!

Карл Иванович был испуган. И мне стало страшно.

– Он хочет забирать телескоп... Я говорил: продан.

Он не верить... Он фрагт... спрашивать: кому? Я молчать... Тогда он грозить... Слушай, мальшк! Надо скоро забирать трубу! И кайн ворт... никому ни слова!

Алешка усадил нашу компанию рядом со сценой – там, где стояли театральные прожектора. Зал был почти полон. Особенно много было выздоравливающих из госпиталя. Бедняги, они ждали веселого представления. Но я-то знал, что, кроме сплошных убийств, ничего хорошего им не покажут. Зря что ли я смотрел этого «Гамлета» три раза!

Тут заиграла музыка, и открылся занавес. Стражники сидели у костра и пели знакомую песню:

– Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

– Во! – толкнул меня в бок Алешка. – Что наш режиссер придумал! Чтобы люди не забывали, что идет война!

Я его не слушал, я искал своего дядю.

– Да вот он! Смотри! – шепнул мне Алешка. И показал вниз.

И, правда, прямо внизу, под нами, стоял Сюня. В костюме стражника и с алебардой. Вид у него был очумелый. Видно, никак не мог понять, что тут делается и с какого он тут бока-припека...

Но вот появился и сам Гамлет. Он играл на гармошке и пел ту же песню:

– Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – четыре шага.

И тут я понял, что Сюня внимательно следит за действием. Ему было интересно... Он крутил головой за перемещением актеров, слушал, что они говорят... И когда Гамлет задал свой вопрос: «Быть или не быть?», Сюня решил, что спрашивают у него. Он покачал головой и ответил своим любимым: Хвейс?... Я знаю?..

А потом на его лице появилось беспокойство. Что-то ему мешало. Он скрючился. Я подумал, не прихватило ли ему живот? С ним такое бывало. И в самый неподходящий момент... Потом он стал тереться животом об алебарду... а потом откровенно скрести рукой низ живота... и даже еще ниже... Первыми заметили это артисты. Они стали незаметно подавать ему знаки. «Прекрати, мол!»... Но Сюня уже не мог остановиться. Я понял: моего бедного дядю кусает клоп! У нас дома их было полным полно.

И, самое забавное, что дядина почесуха оказалась заразной. Чесаться стал другой немой стражник... потом призрак, «тень отца Гамлета»... потом сам Гамлет... Публика выла от смеха.

– Занавес! – закричали за сценой.

Когда мы бежали из театра, Алешка, конечно, приставал ко мне:

– Это твой дядька! Ты за него и отвечаешь!..

И еще требовал, чтобы мы нашли костюм и алебарду и в тот же вечер вернули в театр.

– Меня так и так отец уьет! А если и реквизит пропадет!..

Мы прочесали весь город. Дома его не было. Рынок давно закрылся. И в магазине Карла Ивановича было темно. Сюня пропал.

И вдруг я вспомнил, что он часто затаскивал меня на корабельное кладбище. На берегу Иртыша громоздились друг на дружку развалины корабликов. Сюня любил подержаться за штурвал какого-нибудь из них, порулить. При этом губами он изображал гул корабельного мотора.

Так и оказалось. Мы нашли Сюню у руля. «Гру-у-у!» – рычал он, крутя штурвал. А иногда вглядывался в сложенные трубочкой ладони и кричал: – Америка!..

Мы так обрадовались, что стали дружно толкать ржавый катер в воду. Сюня загудел еще сильнее. Катер закачался на мелкой волне... и стал тонуть... «Наверх вы, товарищи, все по местам!» – запели мы хором. А Сюня, между тем, торжественно опускался в воду. Это было красиво. Мы даже чуть-чуть расстроились, когда вода, дойдя моему дяде до пояса вдруг остановилась.

Нам пришлось снимать штаны и ботинки и силой отрывать Сюню от руля.

А он все кричал: – Америка!.. Америка!..

Как он мне надоел с этой своей Америкой! Человеку тридцать пять лет, а он ни о чем другом думать не хочет. Помешан он на этой Америке. Ну, то есть, по-настоящему помешан...

Вообще, это отдельная история... Мама мне ее столько раз повторяла, что я ее наизусть выучил...

«...Что я тебе скажу?.. Знаешь, что такое «а шлехт мазл»? Плохая судьба!.. Она твоему Сюне на роду была написана... Ну, правда, и папа, и твоя тетя Рейзл говорят, что до шести годочков он рос как все. Но тут его старший брат Миля решил ехать в Америку. Далась ему эта Америка!.. Так, мало того, что тащил жену и детей, он придумал везти с собой малолетнего Израиля, ну нашего Сюню то есть... Пока шли сборы, то да се, Сюня успел обегать весь город и прожужжжать уши и ближним и дальним соседям: – Я еду в Америку! Я еду в Америку!.. Ну, старики кивали себе бородами: – Такой маленький, а уже едет в Америку!.. Так надо ж тебе! За неделю до отъезда этот мишигаст полез через дырку в заборе... Что его туда потянуло? Вот он и споткнулся, и напоролся на гвоздь. Пробил себе какую-то железу в горле... Был у них в городе старенький русский доктор. Уж чего он только не делал! Жизнь мальчишке спас, а что касается ума – извините!.. А, главное, когда рана зажила, оказалось, что старший брат давным-давно в Америке. А потом началась война,

еще та, первая, и Америки как бы не стало. Она превратилась в отрезанный ломоть, отодвинутый на край стола. И далеко, и не укусишь. Таки какой смысл смотреть в ту сторону?..

Так считали все. Кроме твоего дяди. Паренек по-прежнему носился по местечку и приставал к старикам: – Вы знаете, мой брат Миля скоро выпишет меня в Америку!.. Представляешь, жара... надоедливые мухи. И тут этот цидрейтер, который вместо того, чтобы ходить в хедер, сочиняет «а пусты мансенс».

– Чепен зи мих а коп! – отбрехивались старики.

Я-то его узнала, когда все Фишкины появились в Москве, в нашем подвале на Цветном бульваре. Здоровый такой бохер и весь в прыщах, и ум, как у семилетнего. Ни читать, ни писать не умел, по-русски знал два слова: «мать» и «перемать». Зато каждому встречному тыкал в лицо: – О, Форд!.. О, Эдисон!.. Америка!..

Где он этого нахватался?.. Хвейс?.. Сначала-то он думал своей дурной головой, что Москва это и есть Америка. Но сырой подвал, куда пробирались по мосткам над лужею этого самого... карточки на хлеб... работа «подай-принеси»... И никакого брата Мили... А что он хотел?.. Потом твой дед Абрам-Мойше купил часть хибары в Кунице. Там и ты прожил первые четыре года. Помнишь, как ты любил кататься на счетах по полу? Дом-то стоял над оврагом. Иногда дом трещал. Счеты после этого катились шустрее. А Сюня подталкивал тебя для разгона и смеялся. Если, конечно, рядом не было тетки Рейзл.»...

Волк бежал по ночному городу. Иногда он пропадал в тени деревьев, а иногда лунный свет плавно обтекал его мускулистое стройное тело. И тогда весь он, от короткой и толстой головы до широкого крупа, казался голубым и могучим.

Было тихо. За закрытыми ставнями не дрожало ни огонька. И только из одного окна, в доме против ворот кладбища, пробивался нерешительный лучик. Почему-то именно он заставил волка остановиться. Зверь присел на задние лапы и несколько раз коротко рыкнул в сторону неплотно прикрытого окна. А потом задрал голову к небу и завыл, тоскливо и жутко.

Волчий вой разбудил спящих.

– Что это? – спросила мама. Но тут же забыла о своем страхе. – Ты почему не спишь! – накинулась она на лежащего рядом мальчика. – И другим спать не даешь! Людям с утра на работу! Гаси свет, бессовестный мальчишка!

Мальчик нехотя оторвался от книжки, сунул ее под подушку и потащился к выключателю. На обратном пути он несколько раз наткнулся на чьи-то руки и ноги. И слышал раздраженное бормотание. Яснее всех проворчала тетка Фрима:

– Чтоб ты был здоров... читатель!

Волк выл, пока набежавшее облако не погасило луну. Тогда он тенью проскользнул в кладбищенские ворота и затрусил по аллее. Волк бежал, принохиваясь к сырým запахам земли. Запахи становились острее. И вдруг они заставили волка вздыбить шерсть на загривке и оскалить зубы.

Свежий могильный холмик был завален лапником и цветами. Резкими ударами лап волк разбросал еловые ветки. В стороны полетели комья земли. Когда когти заскребли по дереву, зверь повалился в яму и стал перекатываться с боку на бок.

Где-то за оградой протарахтела машина. Волк выскочил из могилы, отряхнулся и заспешил к сторожке, притулившейся рядом с заброшенной церковью. Через пару минут в сторожке зажегся свет...

Мне было хорошо. Я сидел на могильной плите, мурлыкал что-то и щурил глаза на солнце. Желтый круг разбивался на цветные иголки, и я мог заставить их крутиться в разные стороны...

Мне было бы совсем хорошо, если бы рядом не дымил Сюня. Свернутая из газеты сигарка то шипела, то стреляла обрезками соломы. Солому Сюня рубил котлетным секачом на деревянной доске. Потом он сыпал на доску махорку и долго перемешивал кучку до золотистого цвета.

– Фартиг! – говорил он, сметая кучку в кiset.

– Цидрейтер! Батрак! – плевалась тетка Рейзл, каждый раз отмывая доску перед готовкой.

– Ну что? – спросил я Сюню. – Читать дальше?

– Читай... – согласился Сюня.

Я снова раскрыл книгу и продолжил:

– ... Ямщик поскакал; но все поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла, и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась мятель...

Я читал «Капитанскую дочку». Сюне вроде бы книжка нравилась. А уж про себя я и не говорю!.. Я в первом классе, как только научился читать, записался в библиотеку и взял там всего Пушкина в одном толстом томе. На каждой странице было по две колонки, буквы были маленькие, но я все равно ухитрялся читать книгу даже на ходу. Читал-читал, да и потерял. И до следующей осени в библиотеке не показывался. А во втором классе опять туда записался. Про меня, видно, забыли и снова выдали Пушкина!

– ... Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболя шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо...

– Интересно девки пляшут! – перебил мое чтение чей-то голос. Рядом с нами, как изпод земли, вырос цыган Ефрем.

– Прямо заслушался!.. Это кто ж такой роман тиснул?

Он так и сказал: не роман, а роман. А потом поправился:

– Кто сочинил-то?

– Пушкин...

– А правду говорят, что Пушкин нашим... ромом был? Из цыган? И кочевал вместе с нашими?..

– Не знаю... Здесь написано, – я ткнул пальцем в книгу, – что его прадедом вроде бы негр был...

– Ну ты еще скажи, что Иисус Христос был евреем!

– Да? – удивился я.

Ефрем был не простым цыганом. Говорили, что он «король», главный в цыганском таборе. Табор стоял за кладбищем, мама строго-настрого запретила даже подходить к нему. Но два раза в день весь табор проходил под нашими окнами. Женщины в пестрых платьях тащили на руках чумазых малышей, дети постарше цеплялись за их юбки. Старухи визгливо покрикивали на подростков... Вечером они возвращались, еле волоча ноги, с узлами и кошелками, набитыми старьем. – Наворовали!.. – шипела им вслед тетка Рейзл.

– Ну, так что, казаки! Продаем корову? – Ефрем давно приставал к нам. – Совсем старая корова, скоро доиться перестанет... А я хорошие гельд дам!

– Она наша, что ли! – повторил я в который раз.

– Ваша, не ваша, какое дело... Скажете – украли... Или сама сбежала, на волю захотелось. Как цыгану...

– Гей ин дрерд! – решительно отвернулся Сюня. – Мишугене копф!

– Не мил я вам!.. А я ведь со всей душой!.. – И он пошел, пошел по дорожке перебирать сапогами:

– Ой, мама, мама, мама!
Спешу сказать скорее:
Любила я цыгана,
Теперь люблю еврея...

– Это ж надо! Маньку продать! Будто она наша!.. Да и была бы наша... Иди сюда, Манюнька! Никто тебя не продаст, никаким королям цыганским!..

В кустах шуршала Манька. Слышно было, как она трясет прутья, вытягивая сквозь них пучки травы. Траву между могилами она давно объела... «Надо бы перейти на другую сторону...» – лениво думал я.

Но тут Манька сама вышла на дорожку. Не переставая жевать, она наострила уши в сторону улицы.

– Играют! – сказал Сюня. Теперь и я услышал в дальнем конце Партизанской глухие удары барабана. – Пошли!

А что мне оставалось делать?

– Манька! – скомандовал я, доставая веревку. Корова послушно подставила шею. Пока я завязывал просторную петлю, она подняла хвост и пустила могучую струю. «Знает, зараза, что на похоронах за это накостылять могут... Но зачем ссать прямо мне на ноги?».

Мы вывели Маньку из кладбищенских ворот и увидели едущий прямо на нас катафалк. Его волокли грустные клячи в черных пополах, а бородатый кучер уже издали грозил нам кнутом.

– Смирно! – скомандовал Сюня. Он вытянулся в струнку, приложил ладонь к виску и запел похоронный марш:

– Умер наш дядя, как жалко нам его,
Умер, в наследство не оставил ничего...

– Ну! – качнул он в мою сторону плечом. И я подхватил припев:

– Тетя так рыдала,
Когда она узнала,
Что дядя в наследство
Не оставил ничего!..

– Ну! – еще раз подтолкнул меня Сюня. Я немного отпустил веревку, и Манька зашагала резвей, оттирая набежавших нищих, пока не задышала в затылки провожающих.

Те недовольно зашикали, Но катафалк уже остановился у свежeverкопанной могилы. Извозчик вытащил табуретки, и могильщики помогли ему переставить гроб. Открыли крышку, и тут же, как из-под земли, вырос поп с коптящим горшочком на цепи. Мне было интересно увидеть лицо покойницы, я отдал веревку Сюне и протиснулся к гробу. Старушка оказалась худой и морщинистой, в руках она держала свечу, и дым от поповского горшочка клубился вокруг острого носа. «Вот бы чихнула! – подумал я. – И все бы заорали: будьте здоровы!»...

Поп, наконец-то, кончил колдовать. Принесли блюдо теплого еще риса с изюмом. Провожающие встали в очередь с раскрытыми ладонями. Я быстренько отогнал Маньку за катафалк и протиснулся мимо ворчащих нищих.

Когда до чашки с рисом оставалось всего два человека, раздался злобный крик:

– Опять эта корова! Кто пустил корову на погост?..

Директор кладбища дядя Вася лупил по манькиному боку ее же веревкой. Манька шаралась, пугая народ.

– Сколько говорено! – прихрамывая, наседали на нее дядя Вася. – Не водите вашу корову на мероприятия! Не мешайте прощанию!..

Он еще раз хлестнул веревкой, и корова понеслась к воротам. А оттуда навстречу уже летела тетя Катя, наша хозяйка.

– Манечка! Манечка! – причитала она. – Опять эти байстрюки тебя затащили!.. У, злыдни! – погрозила она нам. – Я в обед прибегаю, чтобы корову подоить! Сама не ем, не пью, некогда! А вас каждый раз нелегкая носит!.. Не будет вам сегодня молока!

Мы сидели на крыльце и мрачно слушали, как дзинькали по ведру молочные струи. В сарае тетя Катя уговаривала корову:

– Ну, стой, стой, Манечка, смирно!.. Ну, не маши хвостом! Потерпи!.. Потерпи, тебе говорят!..

– А ты видел, – спросил я Сюню, – как старушка мне подмигнула?

– Чего? – не понял дядька.

– Старушка в гробу. А потом как чихнет!

– Халоймес!..

«Чепуха»!.. Я не стал спорить с дядькой. Подумаешь, большое дело: сегодня не поверил, завтра поверит.

В сарае снова загремело. Я знал: корову донимают слепни. Вот она и отмахивается хвостом и дергает ногами, норовя опрокинуть ведро. Пришлось-таки хозяйке позвать меня... Одной рукой я держал манькин хвост, другой отгонял назойливых тварей. Зарабатывал свой стакан парного молока.

Сюни на крыльце не было. Он аккуратно перетряхивал одежду в доме, обшаривал карманы. Я ему не мешал. Надо же было где-то взять деньги. С театром ничего хорошего не вышло. С шарманкой много не заработаешь. За то, что мы пасли корову, тетя Катя платила нам два рубля в день. А нам же нужно пятьсот!

Улов был невелик: три мятых рубля и копеек сорок мелочью. Мы заглянули во все углы и щели. Дохлую мышь – вот все, что мы нашли под кроватью... Сюня взял ее за хвост, раскрутил и забросил на кровать к тетке Рейзл. А потом накрыл подушкой.

Мамину сумку я не открывал. Я и так знал, что там есть деньги. Папина зарплата. И Сюня про нее знал.

– Нимт пар рубель! – почти ласково предложил он мне.

– С ума сошел? – очень твердо отказался я. И выскочил на крыльцо.

Дядька засопел и стал снимать сапог. Была у него такая поганая привычка: чуть что стаскивать сапог и швырять его в человека. Чаще всего доставалось тетке Рейзл. Да и мне иногда перепало.

Сапог просвистел над ухом. Сюня сопел громче.

Сейчас полетит второй! – правильно понял я.

– Мама! Мама!

Не-е, пионера-героя Вали Котика из меня не получилось бы.

Сюня стоял на крыльце с сапогом в руке и ждал.

– Мама! – для очистки совести еще разок проныл я и полез в сумку.

Я, хоть и перешел в третий класс, в деньгах разбирался слабо. Я знал, что с шахтером – это рубль, с красноармейцем – трешка, с летчиком – пятерка. В сумке была толстенькая пачка летчиков.

Мне казалось, что денег там много... так много... Мама и не заметит!.. Я вытащил одну... нет, две... нет, три бумажки с летчиком... Сюня сплюнул с крыльца.

– Махт бикицер! – командовал он!

Легко ему говорить «быстрее»! А у меня от страха даже мозги вспотели.

– Америка! Надо видеть Америку! – торопил меня дядька.

И я принес сразу четырех летчиков. Сюня только покачал головой. И тогда я зачерпнул полной горстью.

Я бы таскал еще, но тут стали собираться родственники. Пришла с рынка баба Злата. Приползла из-за своей кассы тетка Рейзл. Прибежали двоюродные Жанна с Верой... В нашей маленькой комнате терлись боками одиннадцать душ. Комната, правда, была не наша, а хозяйкина, тети Катина. Сначала мы за нее платили, а потом денег не стало, она покричала-покричала, да махнула рукой...

Мне все-таки удалось уловить минутку и снова забраться в мамину сумку. Ухватив еще горсть бумажек, я прокрался в темный тамбур и сунул их в руки Сюни. Сюня почему-то удивился, но деньги взял. И тут я понял, что это вовсе не Сюня, а пришедший с дежурства папа.

Дело в том, что Сюня и папа были близнецами. Их даже родная мать, баба Злата, путала. Только папа был вполне разумным, просто у него была огромная грыжа, поэтому его вернули с фронта и отправили служить на какой-то военный склад в одном городе с нами. А Сюня... Ну, Сюня-то был законченный инвалид, его даже на лесозаготовки не брали.

– Что за деньги? Где ты взял? – удивился папа. Я уже готов был расколоться, даже рот скривил, собираясь зареветь... Но тут из комнаты раздался дикий вопль:

– Мышь!

Тетка Рейзл сунула руку под подушку. На ее ладони лежало высохшее чучелко.

– Сволочь! Цидрейтер! Мишигаст! – Она сразу догадалась, чьих это рук дело. – Дармоед! Батрак! Чтоб у тебя рука отсохла! Чтоб глаза вылезли!

– Мышь! Мышь! – галдели Жанна и Вера.

– Готыню! Гевалт! – причитала баба Злата.

Папа сразу же забыл о деньгах. Он машинально сунул их в мамину сумку и кинулся разнимать родню. А в ход уже шли подушки, сюнины сапоги, гремели опрокинутые стулья... Вечер был в самом разгаре.

Утром меня разбудила мама. Она собиралась на базар перед работой.

– А где деньги? – спрашивала она неизвестно у кого. – Вся Гришина зарплата? Вчера было пятьсот рублей, а сегодня и половины нет!..

– Спроси у этого мишигасте! – сонным, но уверенным голосом посоветовала тетка Рейзл. – У этого шикера!..

– Сюня! – послушалась мама. – Где деньги?

– Гей ин дред! – не размыкая глаз, посоветовал Сюня.

– Израиль! – тут уж вмешался папа. – Отдай гельд!

Сюня сел на полу, где он спал, почесался во всех местах и стал угрюмо освобождать карманы.

– Это они с Фишкой на что-то копят, – подала голос сестрица Жанна. Фишка это был я, такое у меня было прозвище из-за фамилии Фишкин.

- Вор! Ганöver! – не унималась Рейзл.
- В морду! – пригрозил мой дядя. – Ин пунем!..
- И тут же выдал меня: – Это ваш Фишка ганöver!.. Взял гельд и дал мне...
- Врешь! – не своим голосом закричала мама.

Дальше все было неразборчиво, потому что я забился головой под кровать. Спрятаться глубже мешал мешок с картошкой и корзина с зелеными помидорами. Я цеплялся за них изо всех сил.

– Сенечка! Сыночек! – Смотреть на маму было страшно. – Он же врет?.. Да? Правда?.. Ты не брал этих денег?

Я не был обучен врать. И поэтому побежал. Вокруг стола. Руша стулья и перепрыгивая через них. За мной с ремнем и слезами бежала мама.

- Как ты мог!.. Как ты мог! – причитала она.
- Держи его! – подзадоривала Жанна
- Воришка! Воришка! – добавляла перца двоюродная Вера.
- Гвалт! – вопила бабушка Злата.
- А что я говорила! – злорадствовала тетка Рейзл.
- Гей дрерд! – как всегда советовал ей сумасшедший дядя Сюня.
- И вплетался в общий хор стон еще одной тетки, Фримы, матери моих двоюродных:
- Вей из мир! И тут тебе цирк с утра! И тут тебе театр! И все за бесплатно!..

Я бежал вдумчиво. Иногда расчетливо притормаживал, чтобы мамин ремень не рассекал воздух впустую. При каждом ее попадании я взывал дурным голосом.

- Вау-у! – подзадоривали меня сестренки.
- Вей так из мир! – стонала Фрима.
- Абизоим фар ди гоим! – ворчала тетя Рейзл, наверное, имея в виду соседей за стеной.
- Сыночек! – рыдала мама.
- Ин дрерт! Ин дрерт! – возбуждался дядя Сюня. И вдруг, вспомнив что-то давно забытое, вlepил плюху тетке Рейзл.
- Пожар! – радостно закричал он. – Горим!
- Аид а шикер! – обидела его тетка Рейзл. – Батрак!

Вконец обессилев, мама упала на стул.

– Как ты мог! Ты!.. Ты!.. Сыночек!.. – она не могла успокоиться. – Разве ты видел, чтобы кто-нибудь из нас взял хоть соринку чужого? Разве тебя кто-нибудь учил воровать?..

- Не-е... не учил... – канючил я.
- Зачем же ты залез в сумку? Зачем взял деньги?
- Это он заставил! – проблеял я, боясь посмотреть на Сюню.
- Вей так Гитлер им пунем! – сказала свое слово бабушка..
- Бабушка! – поправила ее Жанна. – Это не Гитлер, это Сенька деньги стырил!
- Нехай!..
- Абизоим!.. – твердила свое Рейзл.
- И тут Жанна радостно сообщила:
- А Верка опять обоссалась!

Когда все угомонилось, мы с Сюней снова погнали корову на кладбище. Больше ж нигде ничего не росло... Манька хрустела сухими ветками, я играл сам с собой в расшибец...

– Ферфалт ди ганце постройкес... – грустно заявил Сюня. Я его понял: не видать нам трубы, как своих ушей!

Мне было обидно. И не только из-за телескопа. Я злился на дядю. Первый раз в жизни мне досталось от мамы! И ведь все понимали, что лупить-то надо было его!.. Хотя что с него возьмешь?

– Эх!... – Я с досады шваркнул биткой по монетному столбику, да так неудачно, что все монеты легли на «решку»...

– Играем? – раздался вдруг знакомый голос. Цыган Ефрем нагнулся и тремя ударами битки перевернул монетки на «орла». Но забирать их не стал.

– Ну что, казаки, продаете корову? – снова пристал он. – А я научу ее плясать, в цирке выступать будет! Давайте так: корова моя, а карбованцы ваши!

– Дрей мих ниht а бейц! – послал его Сюня. Но как-то не очень уверенно. Так, что уже уходящий Ефрем остановился, как будто ждал продолжения... Он смотрел дяде в глаза... И что-то он там, наверное увидел...

– Сколько даешь? – хриплым голосом спросил Сюня.

– Ты что! – не поверил я своим ушам.

– Другой разговор! – обрадовался Ефрем. – Деловой человек! – подмигнул он мне. – Двести карбованцев!

– Гей дрерд! – возмутился дядя. – Пятьсот!

– За чужую корову! Смотрите, чавелы! – обратился он к невидимой толпе. – Этот мишу-генер хочет обобрать честного цыгана!.. А цидрейт!.. Триста!

– Пятьсот! – стоял на своем Сюня.

– Караул! Грабят! – закричал Ефрем. – На! На! – Он стал расстегивать штаны, а потом стащил с себя рубашку.

– Пятьсот! – не уступал Сюня.

Ефрем быстро заправил рубашку в штаны и бросил на землю картуз.

– Твоя взяла! Правду говорят: где еврей прошел, цыгану делать нечего!.. Гони корову!

Он развязал сложенный в несколько раз платок и принялся отсчитывать спрятанные там замусоленные бумажки:

– Пятьдесят... семьдесят... сто...

– Тащи Манькес! – приказал Сюня.

– Сам тащи! – набравшись храбрости, ответил я дядьке. Но он уже, кряхтя, стаскивал сапог.

Я привел корову. Цыган потребовал, чтобы я передал веревку ему из рук в руки.

– Такой у нас обычай! А ты не робей! Ты малец, с тебя и спроса нет... А про корову скажите, что сбежала...

И он повел Маньку через кладбище. И запел:

– Ой, мама, мама, мама!

Скажу тебе я прямо:

Любила раньше Яна,

Теперь люблю я Зяму.

Корова оглянулась и замычала удивленно. Ее рыжие бока расплывались в пелене подступивших слез.

– Что ты наделал! Маня! Манюня! – горько плакал я

– Штиль! – приказал Сюня. – Штиль швайген! Ниht вайн!..

Легко ему говорить: не плачь! А мне и Маньку жалко и страшно подумать, что с нами будет!

На пыльной витрине было написано одно слово: «Закррито». Мы долго стучали, прежде чем загремели замки и из приоткрытой двери выглянуло лицо Карла Ивановича.

– Принес деньги? – удивился он, впуская нас в магазин. Я сразу кинулся к заветному футляру. Под крышкой все также тускло мерцала латунь телескопа. Карл Иванович бережно достал его.

– О, молодой тшеловек получайт уникам! Я говориль: это есть работ великий Иоханн Кеплер! Большой механик унд оптик! – Тут он заговорил шепотом. – Унд майстер астрология!.. Велики мистикер, он составляйт гороскоп для князей и император... Может быть, с этот телескоп...

Карл Иванович аккуратно сложил телескоп и треногу и закрыл футляр.

– Сохраняйт его! – сказал он. – Даст Гот, кончится этот война, я вернусь и буду выкупайт его!.. Это реликвий нашей фамилий. Да-да!..

Сюня отдал деньги, торопливо подхватил футляр и заторопился к выходу. Но не успел он схватиться за ручку, как дверь загрохотала, заходила ходуном.

– Майн Гот! – схватился за голову Карл Иванович. – Это они!

– Кто? – испугались мы.

– Нехорош люди! Настоящий наци! Враги!

– Эй, Карл! – колотили в дверь. – Открывай!

Карл Иванович схватил большую кожаную сумку и выключил свет.

– Уходить надо! Шнеллер!

А колотили уже не только в дверь, но и в окно.

– От нас не спрячешься! – вопили на улице. – Отдавай трубу!

– Отдайте Карл Иванович! – Я готов был отдать и телескоп, и все наши деньги, лишь бы не слышать этого стука и этих воплей.

Дзинь! – разлетелось на кусочки оконное стекло.

– Мы тебя из-под земли достанем! – кричали за окном. – На ремни порежем!

Я им верил. И достанут, и порежут! И нас заодно с ним! Больше всего на свете мне хотелось сейчас очутиться за тридевять земель от этого страшного магазина.

– Идем! Идем! – дернул меня за рукав Карл Иванович.

Он тащил меня в темноте, а сзади мне в затылок подвывал окончательно спятивший Сюня. Да и кто тут не спятит! В дверь ломятся, окна, считай, нету, а под ногами какая-то лестница. И темнота чертова! Не хватает только ноги сломать!

Впереди что-то заскрипело, Карл Иванович остановился и загремел спичечным коробком. Огонек в его руке осветил низкий потолок и мокрые стены. Подвал!.. Вспыхнула еще одна спичка, и я увидел, что Карл Иванович тянется к железному ставню, запертому на засов.

– Зажигать спички! – приказал он мне. – Светить!

Я извел кучу спичек, пока ему удалось отодвинуть засов и открыть ставень. Ветер тут же задул чахлый огонек, но Карл Иванович уже пихал меня в маленькое окошко.

– Вылезать! И не делать шума!

Я кое-как протащил себя в окошко и полетел, сам не знаю куда. Но летел недолго и шмякнулся на землю. За мной протиснулся Сюня. Он больно ударил меня чем-то тяжелым. Телескоп, понял я. Молодец, не забыл!.. Последним выбрался Карл Иванович. Каким-то чудом ему удалось прикрыть за собой ставень. Дышал он, как наша Манька после хорошей пробежки.

На улице было уже темно. Но все-таки я догадался, что мы вывалились к тому самому оврагу, где недавно привязывал корову. С другой стороны магазина.

Карл Иванович схватил свою сумку и рванул вниз. Мы продирались сквозь кусты, спотыкались о корни, скользили по траве. А потом бежали по берегу до моста. Только мы не стали забираться на него, а спустились вниз, к реке. И во-время. Потому что совсем скоро над нашими головами зацокали чьи-то сапоги и застучала инвалидная трость.

– Сбежал гад! – послышалось с моста. – И трубу унес!

Говоривший остановился прямо над нами и стукнул палкой по настилу моста, так что перила зазвенели. Я сразу узнал его голос. Ну, конечно, это был он – хромой военный.

– Куда ему деться! – успокоил его второй голос. – У него в городе ни родных, ни друзей...

– А эти придурки? С коровой? С чего это они возле Карлуши вертелись?

– Найдем! Узнаем!

Вот когда мне совсем поплохело. В какую же историю мы вляпались! И что с нами будет, когда нас найдут и узнают?

Господи! Как хорошо, что мы хоть от коровы избавились!

Сапоги снова зацокали по мосту. И застучала палка.

– Там уже самолет приготовили. Ждут нашего сигнала...

Голоса уходили. Но страх только крепче прижимал нас к земле. Что-то с нами теперь будет?

– О, майн Гот! – шептал в темноте Карл Иванович. – Бедный Карл терять все! И дом, и работ! И жизнь! И некуда себя деть!

– А Казахстан? – вспомнил я.

Старичок только горько вздохнул.

– Ехать надо через милиций. Разве мне дадут дойти до нее!

Мне было очень жаль бедного Карла. Но еще жальче было себя. Очень хотелось оставить его вместе с телескопом здесь, под мостом, и очутиться дома, рядом с мамой. Я даже забыл, какой мировой скандал ожидает нас этим вечером. Но тут меня удивил Сюня.

– Человека надо прятать! – твердо сказал он.

Вот это да! Молчал, молчал, да вдруг выдал. Интересно, а где это он собирается его прятать? Я не успел спросить, потому что с моего языка ни с того, ни с сего сорвались неожиданные слова:

– В пещере!

– Где? Где? – не понял Карл Иванович.

– В нашем дворе, – жалким голосом пояснил я.

Я готов был откусить себя язык. Что на меня нашло? Это ж надо быть последним придурком, чтобы придумать такое. Привести приманку для волков в собственный дом!

Но Сюня уже подхватил футляр с телескопом, Карл Иванович подобрал свою сумку, и мы вскарабкались на мост.

До дома мы добирались обходным путем, чтобы не мелькать под окнами. Перелезли через забор в углу двора и прокрались к землянке за сараем. Раньше здесь был курятник, потом куры перевелись, мы вычистили землянку, оклеили стены фотографиями из «Огонька» и стали называть ее «пещерой». Где-то раздобыли маленький столик и длинную скамью. Сюня наваливал на нее старые телогрейки. Мой дядька любил поваляться на них да подымить своей шипящей сигаркой.

Свечей у нас не было. Сюня зажег «коптилку», железную баночку с керосином, из носика которой торчал чадящий фитилек. Карл Иванович оглядывался по сторонам. Тень его испуганно металась по стенам.

– Ложитесь! – попробовал я успокоить его. – Здесь вас никто не найдет. А завтра что-нибудь придумаем...

Ой! А что я сейчас придумаю? Я вспомнил, что меня ждет. И вздрогнул.

– Пойдем! – сказал Сюня. – И молчи!.. Нехай кричат! Меня, все одно, забирать нельзя, у меня папир... бумага есть!

Гвалт в доме раздавался на всю округу. Громче всех кричала хозяйка, тетя Катя:

– Вон! Все вон! Капцонес! Гановер!.. Пустила вас на свою голову! Где корова? Где моя Маня? Куда ее дели эти два засранца?

– Ах, Катя, – слышался слабый мамин голос, – Вы шумите, но вы же еще ничего не знаете!.. Вы же не знаете, где мой сын, где Израиль! Вы переживаете за свою корову, а я за своего ребенка!

Вот тут-то мы и вошли.

– Где корова, байстрюки? – кинулась на нас тетя Катя.

– Ферлор Манькес... Пропала корова... – прошептал Сюня.

– У... убе... бежала... – в голос прорыдал я.

– Вей из мир! – стала рвать на себе волосы тетя Катя. – Вей так из мир! Погубили мою кормилицу!

– Как могла убежать корова? – не понимала мама. – Она же не собака!

– У... у... бе... жала... – продолжал рыдать я.

– Надо идти к участковому! – предложила мама.

– Дрей мих нихт а коп! Какой участковый поднимет свой тухес, чтобы искать какую-то корову!.. Вей из мир! На что я теперь жить буду! Ваша мешпуха же ни копейки не платит!

– Нет! – решительно заявила она. – Завтра же все вон из моего дома! Чтоб духа вашего не было!.. И за корову заплатите!

– Заплатим! Заплатим! – быстро согласилась мама.

– Хай как серебром вы заплатите! Голодранцы! Враги народа! Нечего было из своей Москвы бежать!

«Враги народа» было любимым оскорблением тети Кати.

В сенях раздался топот, и в комнату ввалились папа и Соломон.

– О чем собачитесь, евреи? Что за гвалт? – зычным голосом спросил Соломон, отстегивая свою деревянную ногу и растирая воспаленную культю.

– Корова!.. Манька моя пропала! – снова взревела тетя Катя. – Столько болячек Гитлеру в бок, сколько у меня горя!

– Говорят же, что убежала... – не очень уверенно заступилась мама.

– Уб... бе... жала... – всхлипывая, подтвердил я.

– А сколько сейчас новая корова может стоять? – поинтересовался Соломон.

– Да никак не меньше тыщи-и! – взвыла хозяйка.

– Ну это вы еще кому-нибудь скажите! – усомнился Соломон. И вдруг резко повернулся ко мне:

– Так, говоришь, убежала?

Он поднял мой подбородок и пристально заглянул в глаза.

– Ну-ка, выйдем, поговорим!

Соломон допрыгал до сеней и первым делом щелкнул меня по лбу. Больно, зараза!..

– Ну, выкладывай!

Я молчал, как партизан. Только хныкал тихонько: – Вау... вау... вау...

– Выкладывай, тебе говорят! Где корова? – снова щелкнул меня Соломон.

– У... у цыгана...

– У какого цыгана?

– У короля... у Ефрема...

– Украл или купил?

– Укра... вау... купи... вау... У Сю... Сюни...

– У, босяки, холера вам в бок!.. За сколько?

– Пя... пять... пя... пять...

– Что пять?.. Пять сотен?.. Ой, не могу!

Он опять щелкнул меня. Сильнее, чем раньше.

– Где деньги?

Тут уж я зарыдал во весь голос.

– Куп... ку... купи-и... и... ли...

– Купили?... Что купили?... У кого?..

– Тру... у... бу... У Кла... Кар... ла... Ко... ко... торый на площади... – простонал я.

– Готыню! – выскочила в сени мама. – Что вы делаете с ребенком, Соломон!

– Мадам! Прошу вас не переживать так громко! С этим малолетним гешефтмахером я сам разберусь!.. Пошли!

Он вернулся в комнату, пристегнул свою деревяшку и потащил меня к выходу.

– Мы скоро будем!.. – успокоил он маму.

Через ночное кладбище я шел первый раз в жизни. Но я не успевал пугаться ни темноты, ни статуй, тянущих к нам обрубки своих рук, ни скрипа деревьев. Я волочился за Соломоном, и от моего плача мертвяки, наверняка, разбегались по своим гробам. А Соломон не уставал твердить свое:

– Где деньги?.. Где деньги?.. Где деньги, паршивец?..

– Ку... ку... купи-и... и... л... – заикался я от страха. – Сю... Сю... Тру... тру... трубу...

– Какую трубу!

– Те... ше... лескоп...

– Что за шмелескоп?

– Сю... Сюня хо... хочет видеть Ам... мериду...

– Шлемазл! Америки ему не хватает!.. А ты куда смотрел?

– Да-а... А он чуть что сапогами!..

Соломон только хмыкнул. Уж он-то знал моего бешеного дядю. И вообще, в глубине души я верил, что ничего такого страшного Соломон мне не сделает. Все-таки не совсем чужим он нам приходился. Как-никак муж тетки Рейзл, хоть и бывший... Главное, не проболтаться про Карла!

Сразу за кладбищем мы увидели большой костер. Трещали сучья в огне и яркие искры летели в ночное небо. А вокруг костра вились тени: большие и маленькие. Цыгане веселились... Из темноты вышел Ефрем.

– Какой дорогой гость!.. Ромалы, встречайте Соломона Давидовича! Хлебом-солью, да зеленым вином!

Но Соломон движением руки остановил его:

– Спасибо, друг Ефрем! Но в другой раз!.. Сегодня разговор есть...

Тут Ефрем взгляделся в меня и понял, о чем хочет говорить Соломон.

– Э, еврейский казак!.. А чтой-то глаза мокрые?.. Ну-ка, ну-ка, не журись! Да ничто на земле слез не стоит!.. Правду я говорю, друг? – повернулся он к Соломону. – Эй, ромалы, покормите мальчика!..

Они с Соломоном отошли в сторону и о чем-то негромко заговорили. А меня усадили к костру и дали миску с горячим мясом.

– Ешь, ешь, чаворо! – угощала меня молоденькая цыганка. – Мы тебя знаем, каждый день мимо ходим...

А я и так ел. Время-то было голодное, мясом в нашем доме редко-редко пахло, да и выдавалось оно по кусочку. А тут... Я видел, как мужчины подходили с ножом к висящей на суку мясной туше, отрезали по здоровому шмату, надевали его на железные шкворни и медленно крутили над костром. Жарили. А сок с шипением капал на угли... Я еще раз посмотрел на тушу. И еще... Острый ком застрял в горле, я поперхнулся и заплакал.

– Ты что, чаворо! – забеспокоилась цыганка.

– Манька! Манюня! – рыдал я.

– Э, чаворо! Да это же наши барана... – она замялась, – купили! А корова твоя в лесочке пасется. Мы из нее циркачку сделаем! Вместе выступать будем!

Слезы быстро высохли. Теперь я старался услышать, о чем спорили Соломон с Ефремом. А спор становился все горячее. Цыганский король размахивал руками, бил себя в грудь, а Соломон укоризненно качал головой.

– Я ж не украл, не увел, как лошадь! – доносилось до костра. – Они торговались, хуже барышников!

– Кто? Малый?.. – показал Соломон на меня. – Да умом убогий?.. Побойся бога, Ефрем!

Потом они снова долго-долго шептались. Наконец, Ефрем плюнул и махнул рукой. – Только ради тебя, друг!.. Но уж молчи! Где ты слышал, чтобы цыган товар вернул?

– Ты же знаешь брат, за мной не заржавеет!.. – уверял его Соломон. Он достал из кармана пачку денег и стал отслюнявливать бумажки.

– Просто людей жалко, не чужие... А этого, – он кивнул в мою сторону, – и второго, убогого, завтра бери с собой, пусть отработывают!.. Шлемазл!

Ефрем свистнул, крикнул что-то цыганское, и из темноты вывели нашу Маньку. Она шла, качая полным выменем, и жалобно мычала.

– Манюня! – прижался я к теплой шее и снова заплакал. Теперь от радости.

Обратный путь был гораздо веселее. Манька спешила домой, и мне приходилось чуть ли не бежать, чтобы не выпустить веревку. Соломон стучал своей деревяшкой рядом и не отставал от меня:

– Где этот телескоп-шмелескоп?

– У Сю... сю... ни... – всхлипывал я, но больше так – для Соломона. Уже у самого дома он сказал:

– Ладно... Со шмелескопом мы еще разберемся... Но деньги вы вернете! И с процентами!.. Будете вкалывать, как евреи у фараона! Рабами моими будете!.. Ферштейт?

– Угу... – а что еще мог я ответить.

Главное, не проговориться про Карла!

Утром я первым делом незаметно пробрался в «пещеру». Карл Иванович, нахохлившись, сидел на телогрейках.

– Вот! – сунул я ему крохотный кусочек хлеба и вареную картофелину. – Ешьте!

Больше слязнуть не удалось. Да, по правде сказать, и неоткуда было. Мы давно забыли, как это – наесться досыта.

– Спасибо! – грустно кивнул головой бедный немец. – Их ферштее... я понимают...

Он раскрыл свою сумку и достал конверт с бумагами.

– Мои карточки... Может, вы получать хлеб на талон... Или что еще будет в магазин...

Ну, что будет в магазине, я и так знал. Скорее всего ничего. За хлебом придется отстоять длиннющую очередь, на талоны «сахар» вдруг выкинут карамель, а талоны «жиры» отоварят комбижиром. Но это хоть что-то...

Я велел Карлу Ивановичу сидеть тихо, на улицу лишний раз не высовываться. Ну, уж если очень приспичит...

– А вечером что-нибудь придумаем, – бодрым голосом соврал я... Мы и так уже хорошо придумали: притащить немца к себе домой!

Сюня ждал меня у калитки. Из ворот кладбища уже выходили цыгане. Впереди, как всегда, неслась орава мальчишек. Увидев нас, они притормозили.

– С нами идешь, коровий пастух? – спросил тот, что постарше. – Как звать-то?

– Се... Се-е-ня... – проблеял я.

– Сесеня! – завопила орава. – Гаджо Сесеня!

Позже я узнал, что «гаджо» это «чужой». Нецыган, значит... А сейчас рослый паренек прикрикнул на друзей:

– Отстаньте, ромы! Сеня так Сеня... А я Лекса!.. А этого как зовут? – указал он на дядю.

– Сюня... Ну, то есть Израиль, по-взрослому... Но он не очень взрослый, поэтому так и остался Сюней...

Тут к нам подошел Ефрем. Оглядел меня сверху вниз и крикнул в толпу женщин:

– Соня, сделай из него рома! А то уж больно городской!..

Меня обняла за плечи девушка, которая вчера кормила мясом.

– Снимай рубашонку, красавчик мой! – И она достала из узла, который тащила на плече, что-то рваное и грязное. – Одевай! Будешь почти как маленький ром!

Когда я напялил на себя то, что она называла рубашонкой, Соня растрепала мои и без того лохматые кудри. Потом она облизнула палец, окунула его в уличную пыль и разрисовала мое лицо грязными полосами.

– Вот теперь, красавчик мой, ты на таборного похож! —

с удовлетворением сказала она и добавила еще одну грязную полоску на шею. – Пошли, пшала... братец!..

Хорошо-то как! – подумал я. – Я теперь не «придурак с коровой», а настоящий цыган!

Цыгане шли, не торопясь. Часть из них свернула на базар. Ребята вскочили в трамвай, идущий к вокзалу. Женщины разложили свои узлы на тротуарах, а Соня кинулась навстречу прохожим: – Кому погадать! Кто хочет свое счастье узнать! На брата, на мужа, на сыночка-кровиночку!

Ефрем уверенно шел к рынку, а мы с Сюней, да Лекса с парой мальчишек постарше – за ним.

У базарных ворот милиция разгоняла «толкучку». Надрывались свистки, продавцы, не больно-то торопясь, растаскивали по кустам швейные машинки и примуса, керосиновые лампы и зажигалки из толстых гильз. Эвакуированные запихивали в сумки заштопанные мужские костюмы и залатанные сапоги. Где-то верещал будильник. И только раненые из госпиталя и не думали отходить от патефона, который хриплым голосом пел о том, что «в степи под Херсоном высокие травы, в степи под Херсоном курган...». У нас до войны была такая пластинка, и я хорошо запомнил, что «десять гранат не пустяк».

Ефрем привел нас на край базара. Здесь сверкал свежими досками новенький сарай. Ага! Это было то самое, о чем говорили дома. Будто цыгане строят что-то на базаре. И будто платит им Соломон. И будто папа тоже внес свою долю в этот гешефт.

Это был какой-то чудной сарай. У него были два входа, но оба без дверей. Зато каждый вход был загорожен стеночкой.

– Сортир! – догадался Сюня.

И, правда! Я только сейчас сообразил: чего на нашем базаре никогда не было, так это уборной. Народ бегал в кусты за оградой. Ногу там поставить было некуда. Но никто не жаловался. Интересно, с чего это вдруг Соломону вздумалось менять базарные порядки?

– Вот вам ведро! Вот краска! Воду принесете с колонки... Размешаете и начинайте красить! – приказал Ефрем. А сам с Лексой полез на крышу. И скоро там застучали молотки.

Вот те раз! Красить сарай! Да я с красками последний раз имел дело в детском саду. Маме пришлось стричь меня наголо, потому что краска попала какая-то приставучая.

Но делать нечего. Мы же теперь рабы. Как Соломон сказал... И мы с дядей поплелись на колонку.

Краски мы вбухали в ведро немеряно. Получилось что-то вроде картофельного пюре. С большими комками. Ефрем стукнул меня по затылку и послал нас за водой сразу с двумя ведрами.

– Позор еврейского народа! – обозвал он нас. – Краска должна быть, как жидкая сметана! – учил он, разливая наше пюре по ведам.

– Вы небось и красить не мастера?.. Смотрите!

Ефрем окунул кисть в краску, дал ей стечь и аккуратно провел по доске. Потом по соседней... И доски засветились синим пламенем. Смотреть на это было одно удовольствие.

– Усекли?

Ефрем всучил мне кисть и застучал сапогами по лесенке.

А без песни он не мог:

– Шел трамвай десятый номер,
На площадке кто-то помер.
Тянут-тянут мертвеца,
Ламца-дрица-оп-ца-ца!

Под эту веселую песенку я и начал красить. Конечно, получалось немножко не так хорошо, как у Ефрема. Скажем прямо, очень сильно не так. Краска почему-то стекала тощими ручейками, а в некоторых местах никак не хотела цепляться за доску. Но я старался. А рядом махал кистью мой дядька. Заляпывал сарай синими кляксами.

– Кто ж так красит!

За моей спиной нарисовались два моих друга. Алексей и Саша. Обоим что-то не нравилось в моей работе. Алексей прямо писал кипятком:

– Ты что никогда не видел, как красят декорации? Сколько раз торчал у нас за кулисами!

Ага, подумал я, а что если Алешку завести...

– Да ты сам только смотрел на маляров! – подначил я его.

– Да? – Алешка стал вырывать у меня кисть. – А вот щас увидишь!

И правда, у него получалось. Краска ложилась ровно. Не стекала и не разлеталась в стороны.

– Дайте и я попробую! – пристал Сашка к Сюне. Тот и спорить не стал. Уселся в тенечке и задымил, как паровоз.

Я, конечно, тоже не прочь был отдохнуть от трудностей жизни. Как говорила моя тетка Фрима. Но с крыши на меня не очень-то приветливо смотрел Ефрем.

– Дядя Ефрем! – пришлось попросить мне. – А можно еще кисть?

– За дверью! – махнул он рукой. И снова застучал молотком.

Я приволок палку с привязанной к ней кистью. И начал водить ею так же, как делали ребята. И, вроде бы, стало получаться.

– Смотри-ка! – сказал Алексей. – Прям Репин!.. Да! – вдруг вспомнил он. – Мы же чего пришли. Накрылась ваша труба!

– Как это? – сделал я вид, что ничего не понял. А сам посмотрел на Сюню. Чтобы молчал. Алешка даже красить перестал. И давай рассказывать:

– Идем мы сегодня по площади. Смотрим, у вашего магазина народ толпится. Мы туда. А там!.. Окно разбито, дверь выломана, внутри – полный писец!

– Да, да! – подхватил Сашка. – Все разбито, раздолбано, как будто слон там прошелся!

И милиция...

– А люди говорят, – продолжал Алексей, – будто вашего немца найти не могут. То ли сам сбежал... то ли его того... кокнули то есть...

Я снова посмотрел на Сюню. Молчит? Молчит.

– А телескоп? – спросил я.

– Какой там телескоп! Я ж тебе говорю: там живого места не осталось!

– Бедный Карл! – вздохнул я. А Алексей опять разозлился:

– Немца жалко? Да?

Я не успел ответить, потому что Сюня пробубнил грустно:

– Ферфалт ди ганце постройкес!

– Чего? Чего? – не поняли ребята.

– Говорит, что все пропало... Не видать ему Америки!

Когда сарай стал совсем-совсем синим, Ефрем принес нам по куску арбуза и стакан тыквенных семечек. А потом попросил Сашку нарисовать на стеночках-загородочках мальчика и девочку. И Сашка нарисовал.

Мы с Алешкой хотели зайти за загородку, посмотреть, как там все устроено, но...

– Куда! – закричал Ефрем. – Завтра! Завтра открытие!.. Приходите и смотрите сколько душе угодно! И все остальное делайте!.. Только не забудьте денежку прихватить!

Ага! Вот, оказывается, в чем гешефт Соломона! Сортир-то будет платным! Ну, это еще надо, чтобы люди согласились платить...

Домой мы вернулись поздно. Зато с хлебом и селедкой. Ее давали по талону «мясо». Весь месячный паек – целый килограмм! И вот же везуха: хлеб оказался с довеском! Мы с Сюней честно разделили его пополам.

– Пить! Айн глас васер! – первым делом попросил Карл Иванович. Ну да, мы же не оставили ему воды... Я смотрел, как жадно он пьет, и думал, а что же будет после селедки?

И, вообще, что будет дальше? Куда нам девать немца?

Я не стал рассказывать про то, что сделали с магазином. И про то, что милиция ищет его... или его труп. Зачем еще больше расстраивать человека? Он и так не поймет, на каком он свете. Я просто сказал:

– Ешьте, Карл Иванович! А мы потом зайдем...

Дома было не до нас. Все толпились в сарае, где тетя Катя доила «потерянную» корову. Сестра Жанна, увидев меня, зашипела:

– Фишка-воришка!.. Из-за тебя нас с Веркой завтра гонят пасти эту Манюню! Как мы с ней управимся? Ты посмотри на ее рога!

– Большое дело! Возьми хворостину покрепче!

– Му-у!.. – сказал Сюня и, выставив руки рогами, замотал головой.

– Ша! – зашумела на нас тетя Катя. – Гей вон отсюда, голота паршивая!.. Чтобы духу вашего возле скотины не было!

И мама увела меня ужинать...

Когда все в доме угомонились, мы с Сюней спустились в пещеру. Сюня зажег коптилку, а я поставил на столик бутылку с водой.

– Придется вам, Карл Иванович, побыть здесь. В город вам нельзя. Говорят, милиция ищет...

– О, майн Гот! – застонал бедный немец. – Я здесь ум цу штербен... умирать буду...

– Смотреть Америку! – потребовал вдруг мой дядька. А я даже обрадовался, потому что совсем не знал, как успокоить старичка.

Карл Иванович послушно полез в футляр. Достал телескоп и прикрепил его к штативу. Стараясь не шуметь, мы прокрались в угол двора, за куст бузины.

Луна уже переползла через забор. Телескоп чуть поблескивал в ее свете. Карл Иванович крутил какие-то головки на нем.

– Смотреть! – предложил Карл Иванович Сюне. Тот послушно припал к трубе.

Он смотрел, смотрел, а потом начал неслышно ругаться:

– Штинкенде немец!.. Штинкенде труба!.. Жопу какую-то показывает!..

Я заглянул в глазок: и правда, вместо луны в телескопе желтело размытое пятно.

А-а, вспомнил я, Карлуша же крутил вот эту головку. Я покрутил ее в одну сторону – пятно надвинулось на меня... потом в другую – оно отодвинулось... и вдруг картинка прояснилась! Огромный шар висел в черноте! Он был так близко, что я даже отшатнулся!

– Смотри!

Мой дядя уставился в глазок. Потом, как и я, покрутил головку в одну сторону... в другую...

– Зейст! – только и мог сказать он. – Смотри!

Рядом с первой была еще одна головка. Я осторожно покрутил ее. Сюня сначала погрозил мне кулаком, но потом шумно втянул воздух.

– Зейст!.. А гройс!.. О!..

Я бесцеремонно оттолкнул его. Луна стала еще ближе. Черноты совсем не осталось, а прямо рядом – рукой подать! – теснились круглые дыры, как оспины на сюнином лице...

Я вспомнил о ручке на треноге и крутанул ее. И поплыл над оспинами! Я летел над самой луной!

Потом я показал этот фокус Сюне. Пока он восторженно гудел что-то, Карл Иванович нащупал на трубе железную стрелку – как на циферблате часов – и сдвинул ее вправо. Мой дядя вдруг замер, потом стал шарить рукой по трубе...

– Гройс! Делай а гройс!..

Карл Иванович крутанул вторую головку... еще...

– Штейт! – скомандовал дядя. – Стой!.. Уй-юй-юй! – завопил он. – Америка!

– Дай позычить!

Сюня неохотно отступил... На дне лунной дырки стояла какая-то будка на тонких ножках. А рядом бродил ...человек! Он был похож на водолаза: в таком же шлеме... и двигался так же медленно... как на морском дне... За его спиной торчала палка с флагом... Я приблизил картинку. На флаге были звезды и полосы...

– Звезды и полосы, – сказал я.

– Америка!.. Америка! – восторженно твердил Сюня. «Это он о флаге!» – догадался я.

Вдруг картинка отъехала сама по себе, и я увидел второго человека-водолаза. Он ехал по луне на машинке, вроде педальной, и махал мне рукой! Я тоже замахал ему... Но тут мое место занял Сюня.

– Америка?.. Луна?.. – не мог понять он.

Карл Иванович пристроился к телескопу и зашептал:

– Дас ист цукунфт... Это еще может быть...

Как это? Как это? – не понял я. Это было или будет?

– Сеня! Домой! – раздался мамин голос. – Спать пора!

– Сейчас! Иду! – не стал спорить я. И убежал, оставив Карла Ивановича складывать его игрушку.

Утро в нашем доме, как, наверное, и во всех домах страны, начиналось со сводки «Совинформбюро». «В течение 17 августа, – хрипел репродуктор, – наши войска на Брянском направлении продолжали наступление и, продвинувшись на отдельных участках вперёд от 4 до 6 километров, заняли свыше 60 населённых пунктов...».

Дальше я слушать не стал, потому что за окном уже слышался разбойничий цыганский свист...

Свистел Лекса.

– Айда! – махнул он рукой. – Ефрем давно ушел. Ругаться будет!..

– Э, красавчик мой, – осмотрела меня Соня. – Ну, сегодня ты совсем рома!

А я, и правда не умывался, не причёсывался с утра, и рубашонка на мне была та же, цыганская... Нам с Сюней пришлось припустить, чтобы догнать табор. И все-таки я не мог удержаться, чтобы на бегу не сообщить Лексе:

– А знаешь что! На луне люди есть!

– Хо! – не удивился цыганенок. – Кто ж этого не знает! Наши ромы давно до луны добрались!

– Какие ромы?.. Американцы! Там американский флаг торчит! Звезды и полосы!..

Конечно, меня распирало от увиденного. Что это было? Какое-то кино? Или телескоп Карла Ивановича показал нам что-то взаправдашнее, что случилось на самом деле? Люди на луне! Хорошо бы рассказать обо всем Соломону. Но он же по самую макушку торчал в своем «гешефте»!

И потом: что делать с самим Карлом Ивановичем? Сколько можно прятать его в землянке? Двор же маленький, и рано или поздно кто-то обязательно наткнется на него... Я понимал, что без помощи Соломона нам не обойтись. А, может, цыганский король нам поможет?

В этот раз Ефрем привел нас к центру. На площади у магазина стояла лошадь с телегой. Возчик неторопливо сполз с телеги и поздоровался с Ефремом.

– Ты карауль здесь! – велел мне Ефрем. – Увидишь лягавых, лети до нас!.. А вы за мной! – повел он остальных во двор, к заднему входу в магазин.

Я оглянулся на антикварный. Дверь его была открыта, там суетились какие-то люди. Я хотел подойти поближе, но тут из подворотни появились возчик с Сюней. Они тащили сразу два ящика, поставленные один на другой. Из верхнего торчали горлышки бутылок... Потом Лекса с ребятами вынесли еще по ящику.

– Ну как? – спросил, выходя, Ефрем.

– Да никак... – ответил я. – Только вон там какие-то военные... – показал я на антикварный. – Магазин же разграбили... И хозяин куда-то пропал...

– А ты откуда знаешь? – подозрительно спросил цыган.

– Да ребята вчера сказали.

– Водку накройте! – приказал Ефрем. – А я пойду гляну, что за хамишусер!

Он скоро вернулся, озадаченный.

– Ну и дела! Оказываются, и правда, грабанили! И хозяин пропал. Видать тюкнули, и концы в воду...

– А, может, он спрятался...

– А тебе откуда знать? – с прищуром посмотрел Ефрем.

– Э! – махнул он рукой. – Нехай с вами Соломон разбирается!.. Поехали!

Мы уселись в телегу и затряслись по булыжнику... по трамвайным рельсам... по мосту... Бутылки тихонько позвякивали в ящиках, ребята мурлыкали что-то цыганское... Возчик завернул лошадь в ворота рынка.

На рынке нас встречал Соломон.

– Бикицер! Бикицер! – торопил он нас. – В «Чайную»! Начальство уж копытами бьет!

Базарной «толкучки» сегодня не было. Весь народ толпился возле новенького сортира. Он был украшен еловыми лапами и отгорожен красной ленточкой. Раненый наяривал на гармошке «Катюшу». Цыганята ходили колесом. Было как на празднике.

Потом какой-то начальник говорил речь. Начал он, конечно, с подвигов красноармейцев на фронте. От них перешел к труженикам тыла, рассказал о героических рабочих и колхозниках нашей области, и похвалил дирекцию рынка. В тяжелых военных условиях она подарила городу... Как же он сказал?... Костер?... Нет... Печь?... Нет... Очаг! Он сказал: – Еще один очаг культуры!

Все захлопали. Раненый заиграл «Варяга». Соломон протянул начальнику ножницы. Тот разрезал ленточку. И важные люди неторопливо потянулись внутрь. Мужчины за стенку с мальчиком, женщины – за девочку.

Правда, тут что-то пошло не так. В мужском отделении стало слышно глухое ворчание. Потом зазвенели шлепки, и раздался отчаянный детский визг. На улицу выскочил Ефрем с голоштаным цыганенком под мышкой.

– Чье? – строго спросил он.

– Мое! – молодая цыганка прямо вырвала ребенка у Ефрема. Да еще и выдала что-то не очень ласковое своему «королю». Но Ефрем только усмехнулся и негромко объяснил Соломону:

– Проскользнул паршивец допреж всех... И хороший след оставил! Прямо на полу!

Из сортира вышла старушка в синем халате с ведром и мокрой шваброй. И знаете... Это была моя бабушка Злата Семеновна! Видно, Соломон приставил на «хлебное» место своего человечка.

Выходящее начальство народ встречал хлопками. Кто-то даже закричал «Ура!». Гармонист заиграл марш. И Соломон затопал своей деревяшкой впереди всех, повел в «Чайную» отмечать праздник.

А мы стали в общую очередь. На входе стояла баба Злата с рулончиком трамвайных билетов на груди. В обмен на гривенник она отрывала билетик и выдавала каждому лоскуток газеты.

Уборная была сама простая. Приступочка с «очками» над ямой. Пахло здесь пока что свежим деревом и еловой смолой. Интересно, надолго ли эта чистота?

Настроение мне испортил Лекса.

– Слышь, Сесеня! – позвал он меня. – А чего это про вас какой-то военный спрашивает? С палочкой?

Бух! У меня прямо сердце в пятки упало.

– Которые, говорит, по городу с коровой бродят...

– Не... не... не знаю... – заикался я. – А ч... ч... что ты ему сказал?

– Да не бойсь! Мы своих не продаем! Видом, сказал, не видывали, слыхом не слыхивали... Ха! Захотел от цыгана правду узнать!

Он оглядел мою замызганную одежонку и еще больше растрепал мне волосы.

– А ты все-таки ходи, да оглядывайся!

Ох, как я оглядывался! Всю дорогу домой. И Сюне велел идти по другой улице. И Карла Ивановича напугал до смерти.

– Аллес!.. Все!.. Мне отсюда только нах кладбищ! – сам себя похоронил бедный немец.

Мне это как-то не улыбалось. Он что, будет прятаться у нас до скончания века?.. А что делать? Не выгонять же его?

А чем его кормить? Кроме карточек, нужны еще и деньги.

Я набрался смелости и промямлил об этом старику. Он сразу засуетился, полез в свою сумку.

– Вот ваши фюнфхундерт рубель! Возьмите!.. Труба так и так теперь ваш... А на эти гельд покупайт кое-что кушать!

Он прижал сумку к груди.

– Здесь деньги!.. Русски немец собрал на самолет. Чтоб там – он показал пальцем на потолок, – знали, что мы против наци!

Легко сказать «покупайте»! Мы же теперь работали на Ефрема. На третий день он снова потащил нас на площадь. Водку выносили из задних дверей комиссионного магазина. Она продавалась здесь без карточек, но по диким ценам. А на базаре водка, видать, стоила еще дороже. А то стали бы Ефрем с Соломоном заниматься этим гешефтом!

Целый день мы с Сюней караулили чертовы ящики. Приходили какие-то люди, переключивали бутылки в закрытые сумки и исчезали на «толкучке». А я сидел и дрожал. Каждую минуту мог появиться хромой военный, Или, еще хуже, мои одноклассники. Вот здорово, если они увидят, что их друг по октябрятскому звену занимается спекуляцией!

Отпуская нас домой, Соломон велел завтра снова идти с Ефремом:

– И не вздумайте ляпнуть дома, что продали корову! Говорите, что убежала!.. Слышите!

– Гей ин дрерд! – привычно пробурчал Сюня. А Соломон крикнул вдогонку:

– И зарубите на носу: вы теперь рабы фараона!

Как мы могли уйти с рынка, не навестив новую уборную? Очереди у нее не было. Но пролом в ограде был заделан, и народ, хочешь, не хочешь, должен был отдавать свои гривенники нашей бабке. С нас она денег не взяла, но и газеткой не отоварила. Да мы ничего серьезного делать и не собирались.

В сортире все еще пахло свежим деревом. Но стены были уже кое-где расписаны и разрисованы. Сюне так понравились одни стихи, что он заставил меня выучить их наизусть:

«Сижу на краю унитаза,
Как горный орел на вершине Кавказа!»

– Ком а гер! – позвала нас баба Злата. В смысле «идите сюда!». И придумала для нас работу: резать старые газеты на ровные лоскутки. Сюня ворчал, а мне нравилось. Я старался, чтобы каждый лоскуток был с картинкой. Пусть человек посмотрит что-нибудь интересное, пока сидит горным орлом.

Базар к вечеру совсем опустел. Мы с трудом купили кусок ливерной колбасы и пяток яиц. Для Карла Ивановича. Но их же варить надо.

Я давно приметил в тети Катином сарае старую керосинку.

Правда она была без слюдяного окошечка. Но я знал, где хозяйка прячет кусочки слюды и где стоит бидон с керосином.

Карл Иванович оказался мастером на все руки. Он вставил слюду, обрезал обгорелый фитиль и залил керосин. И скоро в миске с яйцами забулькала вода.

– Цимес! – сказал Сюня, пуская слюну.

Как-то утром у нашего дома остановилась извозчицья коляска. С нее соскочил худющий человек в парусиновых брюках и мятой тенниске. Он сунул кучеру скомканную денежку и спустил на землю драный чемодан, обмотанный веревками.

К тому времени мы уже стояли рядом.

– Это дом двадцать четыре? – спросил человек.

– Да, – ответил я. – А вам кого?

Человек достал из кармана бумажку с адресом.

– Самуцевич Марту Казимировну, – прочитал он. И вдруг закашлялся. И кашлял долго, сгибаясь пополам и сплевывая в платок.

– А-а... Вам на ту половину! А на этой мы живем! – доложил я, когда кашель перестал бить его.

– Значит, будем соседями! – поклонился человек. – Меня зовут Анатолий... Дядя Толя. А вас?

– Я Сеня... Семен Фишкин!.. А это мой дядя Сюня!.. Ну то есть Израиль... Тоже Фишкин!

– Очень приятно! – Человек смешно шаркнул ножкой и потащил чемодан к соседней калитке. А мы отправились на работу.

«Работали» мы сегодня на свиной тушенке. Американской. Ничего вкуснее в жизни не ел. Поэтому я не столько стерег ее, сколько слюну собирал и сплевывал. Где ее только Соломон брал? А где он водку брал? А откуда брались товары, которые продавались на базаре? Может, из комиссионного. А, может... Как-то я понимал, что лучше об этом не спрашивать...

Последний ящик, надо же такому случиться, цыганята уронили, да прямо на Сюнин сапог. Он завопил не своим голосом. Но не громче Соломона, когда он увидел пару сплюснутых банок. Ефрем стал махать кнутом, Лекса и Джура скакали вокруг пустой телеги, а возчик только посмеивался. Да и Ефрем ни с того, ни с сего вдруг подмигнул мне.

Сюня перестал шипеть, когда Соломон вскрыл битые банки и намазал каждому по хорошему куску черного хлеба. Белый жир таял во рту, сладкие волокна не хотели утекать с языка.

– Второй фронт! – сказал Ефрем, поглаживая себя по животу, а Соломон стал приставать ко мне:

– Ну что вы там увидели в свой шмелескоп?

Я даже обрадовался, что могу рассказать ему.

– Там были люди на луне! Вроде водолазов! И флаг!.. Сюня говорит: американский!

– Мишигене коп! Какой флаг! Какие люди! У тебя от твоих книг голова на бок съехала!

– Но Сюня-то тоже видел!

– А у этого никогда прямо не стояла! Был один мишигаст, стало два!

– Ин дрерд! – буркнул Сюня, облизывая жирные пальцы.

– Сходи лучше к бабке! – послал меня Соломон. – Поможешь там по хозяйству!

Запах «хозяйства» чувствовался уже на подходе. И пахло не свежими досками. Да и как не пахнуть: бабка продавала больше билетиков, чем было посадочных мест. Вот люди и делали свои дела мимо «очков».

– Чтоб оно все гешволт было! – проклинала бабка Злата неизвестно кого, размахивая воючей шваброй. Но гривенники в ее кондукторской сумке звенели.

Я, как и вчера, занялся газетами. На всякий случай я шарил глазами по страницам: нет ли там чего-нибудь про полет на луну. Но газеты были чуть ли не прошлогодние. Еще до Сталинграда... И на картинках были подбитые немецкие танки, наши отважные снайперы и борода-

тые партизаны. И еще много фотографий парада на Красной площади. И лица вождей на Мавзолее. Я старался вырезать их аккуратнее, чтобы, не дай бог, не оставить кого-нибудь без уха...

– Фартиг! – сказала баба Злата. – Готово!

В том смысле, что газетный запас уже выше крыши и я могу отправляться к Соломону.

– Как народ? – спросил Соломон.

– Ходит, – честно ответил я. – И в толчки, и мимо.

Мама сегодня пришла пораньше. Она сидела на крыльце и трясла бутылку с молоком. Взбивала масло. Молоко у нашей Маньки было жирное. Ну, не у нашей, конечно. Корова была хозяйская, тети Катина. Иногда мама покупала у нее немного молока и сбивала из него масло. А по карточкам вместо масла давали комбижир, да и то не каждый месяц.

– О, сыночек пришел! – сказала мама. Я обрадовался. Значит, простила мне и деньги, и корову. А то ведь ни она, ни папа уже сколько дней со мной не разговаривали!

– Ну-ка, поболтай немножко, а то у меня руки скоро отвалятся!

Я взял у мамы бутылку и, придерживая пробку, начал изо всех сил трясти ее, так что крыльцо заходило ходуном.

– Сеня! – остановила меня мама. – Ты же не маслобойка!

Она сняла очки, забрызганные молоком, и запела свою любимую:

– А у перепелки сердечко болит,
Ты ж моя, ты ж моя перепелочка!
Ты ж моя, ты ж моя невеличка!

Я всегда готов был подпеть, не заботясь о чужих ушах:

– А у перепелки лапки болят,
Ты ж моя, ты ж моя перепелочка!
Ты ж моя, ты ж моя невеличка!

Я тряс бутылку и тряс. И видел, как в молоке появляются первые жиринки, как они слипаются в круглые шарики.

– Масло! – показал я маме, и мы вместе запели мамину детскую песню

– Нас рано, нас рано мать разбудила,
С раками, с раками суп нам сварила...

Мама была из Белоруссии. Она часто вспоминала свою деревню Ивашкевичи, которую почему-то называла местечком. А в школу она бегала в другое местечко – Копоткевичи. «До самой зимы босиком! – вспоминала мама. – Детей было много, а папа, твой дедушка, умер рано, бабушка крутилась одна, где ж на всех обуви напасешься...».

Мама хорошо помнила день, когда учительница вошла в класс и объявила: «Дети, можете идти домой! Сегодня занятий не будет. Умер наш вождь Владимир Ильич Ленин!».

Каждый раз, когда она рассказывала про это, я вытягивался в струнку и громко декламировал:

*Камень на камень, кирпич на кирпич
Умер наш Ленин Владимир Ильич!*

А Сюня, если ему случалось быть рядом, тоже вытягивался, отдавал честь и пел своим детским голосом: – Умер наш дядя, как жалко нам его!.. А тетка Рейзл, если слышала это, кричала громким шепотом: – Швайгт! Молчите! Загремять захотели!..

– Хотим! – отвечали мы с Сюней и принимались греметь всем, что было под рукой...

– Мам, а у нас новый сосед! – поделился я новостью.

– Знаю! – сказала мама. – Это наш конструктор Толя Стеркин... Ты, пожалуйста, держись от него подальше!

– Почему?

– Он из этих... из врагов народа!

– А почему же он не в тюрьме?

– Говорят, он придумал что-то... Очень полезное... Вот его и освободили. Таких на заводе называют вольняшками... Но знаешь, сегодня он вольняшка, а завтра его опять могут...

Мама замолчала и стала вытряхивать из бутылки кусочки масла. Их было совсем чуть-чуть, и все они были облеплены капельками воды. А из оставшегося молока мама собиралась сварить ячневую кашу и заправить ее этим маслом. А то все картошка и картошка!..

– Вот подожди! – сказала мама. – Отдаст папа долг за этот... «очаг культуры»... начнут бабушкины гривенники и на нас капать. Тогда настоящего масла купим... А, может, и на пропуск соберем...

Это была мамина мечта – пропуск в Москву... Его можно было получить по вызову... Или купить. Без денег выдавали пропуска ученым, инженерам, артистам...

А про врагов народа я знал. Мы бегали в кино на «Ошибка инженера Кочина» и на «Партийный билет». Да и в школе рассказывали о том, как эти враги хотели помешать нам идти к светлому будущему. У, гады! Они пробрались даже в мой учебник истории. Он был старый, довоенный еще, и там сохранились зарешеченные портреты. Решетки были нанесены фиолетовыми чернилами, лица за ними не различались, но имена под ними все же угадывались: «Маршал Советского Союза Блюхер»... «Маршал Советского Союза Егоров»...

Через несколько дней у ворот кладбища был цирк. Цыганский. Лекса, Джура и другие мальчишки стояли кругом, Соня била в бубен, Ефрем щелкал кнутом, а в середине круга скакала... наша Манюня!

Больше всех веселились мои сестренки Жанна и Вера.

– Вы что, с ума сошли? Да вас тетя Катя за корову уьет!

– Подумаешь! – огрызнулась Жанна. – С коровы не убудет! Видишь, какая она веселая! Поплясала, попрыгала!

– А нам дядя Ефрем обещал суфле купить! – проговорила Вера. – И Маньку напоил чем-то из бутылочки!..

– Ну, все! Молоко теперь будет цыганское!

– Нравится? – подошел ко мне Ефрем. – Хоть сейчас в цирк! Мы из вашей коровы приму сделаем!

– Вы сначала у хозяйки спросите!

– Э, чаво-сынок, да чтобы цыган с бабой не договорился! Как кличут хозяйку-то?

– Тетя Катя... Катерина Исаковна, то есть...

На все это представление во все глаза смотрел вышедший из дома жилец нашей соседки, дядя Толя. Бывший враг народа. С нашим семейством он не общался, просто здоровался при

редких встречах и все. А еще он кашлял. Иногда целые ночи напролет из-за стенки раздавалось его сухое «кхе-кхе»...

– Не жилец, – говорила про него тетка Рейзл. – Отбили они ему легкие...

Кто «они» и как это «отбили», она не объясняла. Зато мама все время повторяла, чтобы я обходил его стороной.

– У-у! – сказал сосед, увидев скачущую корову. – Да это мировой номер! Прямо «Лебединое озеро»!

Что за «лебединое озеро»? Я чуть было не спросил его. И все-таки пересилил себя, отвернулся, сделал вид, что не слышу. У, как я ненавидел «врагов народа»! Это они убили нашего любимого вождя товарища Кирова! И великого пролетарского писателя Максима Горького! И самого смелого на свете летчика Валерия Чкалова! Это они зарезали пионера Павлика Морозова, который не побоялся разоблачить кулаков-вредителей в собственной семье!..

– Смотрел «Лебединое озеро»? – не отставал бывший враг от меня. – Та-тара-тара-та-там... – запел, замычал он. Но вдруг зашелся в кашле, даже согнулся пополам и не то что говорить, даже расслышать меня не мог. Зато заговорила вдруг цыганка Соня.

– Э, золотой мой! – обняла она его за плечи. – Лечить тебя надо!

– Кх-кхак? – не мог остановиться бывший враг. – От лекарств никакого толка!...

– Лекарства, мой серебряный, разные... У нас, у ромов, свои. Они любую хворь лечат! Да и слово мы знаем заговорное!

– Сестра! – совсем по-взрослому окликнул Соню Лекса. – Буты тэкэрэс! Работать пора!

И тут я вспомнил, что сегодня суббота. И надо забирать брата Мишу. Всю войну его отдавали в недельный детский сад. Сад был за городом, детей отвозили и привозили на автобусе. В понедельник утром его отводила к автобусу мама, а в субботу забирать его должен был я.

Конечно, я опоздал. Миша оставался последним, и шофер уже не знал, чем его развлечь. Брат кинулся было ко мне, но я осторожно придержал его на расстоянии. Там, в саду, их не мыли никогда, что ли? Только каждый раз Миша привозил воз и маленькую тележку вшей. Так что сначала я внимательно оглядел его.

Вот это да! Сегодня было что-то отдельное, как говорила тетка Рейзл! Волосы на голове брата прямо шевелились. Вши, не стесняясь, бродили по шее. Даже брови были серыми от гнид. Пришлось вести его, держа за пальчик. Всю дорогу он орал басом, откуда только силы брались. И продолжал орать во дворе, пока я звал маму.

– Где Мишенька? – кинулась она ко мне.

– Иди, посмотри! – пригласил я ее.

– Готыню! – всплеснула мама руками. – На нем же пустого места нет!.. Чтоб у них руки отсохли, у шлемазл!..

Она побежала за горячей водой и керосином, а я потащил упирающегося братца в угол двора, за куст бузины, подальше от укоряющих глаз моих теток. Они были чистюли, а вот языки у них...

Этим вечером мы не смогли добраться до телескопа. Тетя Катя, подоив корову, удивилась желтому цвету молока и пристала к Жанке:

– Она что у вас акацию жевала?.. Так вы за ней смотрели? Капцонес!.. Сколько раз говорила этим мишигастам, – она показала на нас с Сюней, – не водите корову на кладбище!

– А куда же было ее водить? – не выдержал я. – На завод что ли?

– Ты еще будешь мне хамить!

– Но, правда, Катя! – вмешалась мама. – Нигде, кроме кладбища, травы нет...

– Поискали, нашлась бы!.. Что мне теперь с этим молоком делать?

– Масло сбить! – быстро подсказал я.

– Ага!.. Чтоб потом полбазара за мной бегала!.. Нате, травитесь сами!

Она поставила бидон на стол и ушла к себе... Баба Злата, кряхтя, сползла с кровати, где она уже устроилась на ночь, и заглянула в бидон.

– Шо це воно?.. Справди, жовтий... – Она окунула в молоко палец, облизнула его. – А шо? А гуте милх! – Бабушка зачерпнула кружку и с удовольствием выпила.

– Амехаим! – засияла бабушка своими двумя зубами.

– А мы что – рыжие! – Жанна и Вера тоже похватали кружки. И тетя Фрима налила себе.

А мама протянула по стакану мне и Сюне. Даже тетка Рейзл, как всегда что-то ворча, приложила к молоку.

...Я спал, и мне снилась бомбежка... Мы лежали в поле, в каких-то воронках. В небе гудели самолеты, что-то сверкало, что-то ухало совсем рядом. А Мишка надрывался ревом. И люди вокруг кричали, что немцы там, наверху, слышат этот крик, у них такие аппараты есть! И что его белое одеяльце с неба видно. И прямо стаскивали с брата это несчастное одеяло... Потом засвистел паровоз, и люди кинулись к вагонам, и мама тащила меня и Мишку. А про одеяло забыла...

– А одеялко-то было чисто пуховое! Так жалко, так жалко!..

Оказывается, мне снилось то, что мама рассказывала. Только голос у нее почему-то был веселый. И таким же веселым голосом заговорила вдруг тетка Рейзл:

– Хе, смешно!.. Подумаешь, одеяло бросила!.. А сколько их валялось по сторонам, когда все Кунцево по Можайке драпало!.. Подушки... чемоданы... коляски... Как услышали, что немец уже в Химках!.. Хе-хе! Все бебехи побросали!.. Абы токо до теплушек дорваться!..

...Я снова спал и видел, как люди несутся по платформе, отталкивая друг друга, теряя детей, впихивая узлы в товарные вагоны, я сам когда-то был задавлен такой толпой в тоннеле, когда бомба попала в станцию «Киевская»... Да... Все бегут... И только одна тетка Рейзл выступает, не торопясь, брезгливо лавируя между потерявшими голову людьми. Одной рукой она держит раскрытый зонтик, другой бережно несет портфель. Большой кожаный портфель с двумя замками... Я давно на него зырился...

– Зейст! Лехелте!.. Смеетесь! – сказала тетя Фрима. – А как мы семь суток с покойником ехали!.. Хо-хо-хо!.. Сначала-то он почти живой был, дочь его на верхнюю нару записнула, да привязала, а то он все метался... «Гу-гу-гу!» говорил. А на четвертую ночь захрипел... Это уже за Уралом было... А с утра затих... Вся его мешпуха, зараза, неделю молчала... хотела до Челябинска довести... они там собирались сходить... А потом такой вонь пошел... ой, не могу!.. Все спрашивают, может ктой обоссался... пусть скажет... А чего он уже може казать? Он уже усе казал... Прохфессор, говорят, был... А осталось одно «гу-гу»... Умора...

Но никто уже не смеялся.

– Попили молочка! – сказала мама. А я вспомнил:

– Да это же цыган нашу Маньку чем-то поил! Так она у него потом плясала!

– Фишка! – закричала из своего угла Жанна. – Не гавкай!

Я примерился в нее подушкой, но тут тетка Рейзл зевнула и подвела итог:

– Мишигенер день!.. С утра какой-то военный приставал. Я ему чек выбила, а он не отходит... «Вам кто-нибудь говорил, спрашивает, будто на луне люди есть?»... «Да, говорю, и один уже оттуда свалился!..»

– Ну и что он? – спросил я, стараясь не сильно пугаться.

– Отчепился... И ты отчепись!

На другой день было воскресенье. Но цыганский гомон у наших ворот был еще громче. Цыганята прыгали вокруг верблюда, запряженного в арбу. Каждый месяц этот верблюд привозил к соседям напротив старого казаха, закутанного в ватный халат. А еще в любое время года на голове у него красовалась меховая шапка. Внуки называли старика Бабай, а он, обнимая казахчат, называл их немного странными именами: Сирик и Серал. Может, по-казахски они значили что-то другое... Бабай привозил в город продукты, городские родичи меняли их на вещи, еще остававшиеся у эвакуированных.

Недавно мама выменяла у них свое последнее нарядное платье, серое в искорку, на круг сливочного масла...

Лекса, конечно, уже вскарабкался на верблюжью спину и гордо восседал между горбами. Он лупил босыми пятками по бокам, но верблюд невозмутимо двигал челюстями, пережевывая жвачку. Только когда цыганята стали бесцеремонно дергать его за узду, верблюд перевел задумчивый взгляд со своих ног на толпу маленьких хулиганов.

– Сейчас плюнет! – предупредил наш сосед дядя Толя.

И точно: верблюд плюнул. Могучая струя угодила прямо в голову самого задиристого цыганенка. Джура отплевывался и беспомощно протирал глаза, а остальная толпа без всякого сочувствия покатывалась со смеху. Мой Сюня в восторге подпрыгивал и хлопал себя по коленкам. Даже дядя Толя не мог удержаться. Но его смех быстро перешел в затяжной кашель. Он покраснел, согнулся и схватился рукой за грудь...

– Ай, нехорошо!..

В калитке напротив показался Бабай. Цыганят как ветром сдуло. Но старик будто и не заметил их. Он пристально смотрел на нашего соседа и качал головой.

– Це-це-це! Лечить надо! Кумыс пить надо!

– Слышал... – махнул рукой сосед. – Денег нет...

– Бархат есть?.. Крепдешин есть?..

– Да откуда!

Бабай снова поцокал языком, потом обернулся к своей калитке и закричал:

– Апа!

Из калитки выскочила худенькая старушка в длинном плюшевом платье. Бабай что-то приказал ей по-казахски, и через секунду она уже несла дяде Толе большую бутылку, заткнутую тряпичной пробкой. Наш сосед выставил обе руки, отказываясь от подарка, но старушка и Бабай уже скрылись в своем дворе.

С тех пор каждое утро мы были свидетелями одной и той же картины: из дома выходил дядя Толя, в ту же минуту на улице оказывалась старушка с новой бутылкой, и, не говоря ни слова, оставляла ее в руках соседа... По ночам я все прислушивался: так же кашляет сосед или меньше...

Каждое воскресенье мама отправлялась на вокзал. И часто брала с собой меня. На вокзал приходили эшелоны из блокадного Ленинграда. Мама надеялась встретить там свою сестру, тетю Рахиль, и ее троих детей, если, конечно, они еще были живы.

Ленинградские эшелоны приходили на самый дальний путь, подальше от людских глаз. Чадающий паровоз медленно втаскивал состав с теплушками. Затихал скрип и визг колес. И тогда становилось слышно молчание. В немых вагонах не видно было никакого движения, как будто они были пустыми. И только через какое-то время они начинали откликаться на монотонное бормотание идущего вдоль поезда санитаря:

– Есть покойники?.. Есть покойники?..

Из дверей теплушек выдвигали что-то похожее на сплюснутых кукол с болтающимися руками и ногами. Их складывали на подводы и накрывали брезентом. Из каждого эшелона набирались одна-две телеги...

– Не смотри! – говорила мне мама. Да я и так не смотрел. Я насмотрелся покойников на нашем кладбище. А эти покойники были вообще какие-то неправильные. Вот люди, которые выползали из теплушек, на самом деле выглядели настоящими жмуриками, как называл мертвяков директор кладбища дядя Вася. Все они были сморщенными, белыми, как бумага, и невозможно старыми. Даже дети. И все они брели к столам, где им выдавали миски с едой и по кусочку хлеба. Они не толкались, не требовали добавки. Видно сил совсем не было. И молчали. Только мама бегала от вагона к вагону и звала:

– Рахиль!.. Рахиль!.. Курочкины!.. Анечка!.. Ида!.. Яшенька!..

Никто не отзывался. Никто не останавливался. Потом обязательно появлялись другие эвакуированные. Они тоже искали своих родственников или друзей.

– Шаховские! Есть кто-нибудь из Шаховских?.. Сергеевы! Сергеевы с Литейного!.. Кто знает что-нибудь о Настеньке Шнейдер?..

Никто никого не находил. Часть пассажиров увозили на грузовиках и автобусах. Остальные заползали в свои теплушки. Паровоз гудел, подавал чуть назад и медленно утаскивал состав дальше в Сибирь. Только мама все еще металась по путям, ничего не видя сквозь запотевшие от слез очки. И хрипло выкрикивала:

– Рахиль!.. Рахиль!..

Вечером луна была еще круглее, чем в прошлый раз. Карл Иванович разрешил нам самим разобраться с телескопом. Мы шустро навели его на луну... И я опять поплыл над лунными щербинами, то приближая, то удаляя их от себя.

– Пусто... – грустно сказал я Сюне. Никаких людей на луне не было...

– Пусти! – оттолкнул меня дядька. Он крутанул ручку на треноге... тронул одну головку... другую... пожал плечами... Тогда я вспомнил о стрелке на трубе и сдвинул ее вправо... чуть-чуть... потом еще чуть-чуть...

– Зейст! – закричал Сюня. – Смотри! О!.. О!..

– Что «О!»?.. Я же не вижу!

Наконец-то он уступил мне место. И я увидел... Это и, правда, было «О!»... Я смотрел сверху на огромный город. Каждый дом в нем был из стекла. И каждый выше и красивее другого. Я уже знал, что такие высокие дома называются небоскребами и что они есть в Америке. Но что они таки-ие!..

Но это было еще не все «О!»... Два самых высоких дома стояли в центре картинке. Они были похожи друг на друга, как близнецы.

Стеклянные башни-близнецы!.. Так вот, высоко-высоко от земли из стены ближней башни торчал... хвост самолета! И шел дым!

Внутри что-то горело... Потом картинка поменялась. Я увидел улицу перед башнями. Там было полно людей. Они металась взад и вперед и, наверное, сильно кричали. Но звуков я не слышал, только видел раскрытые рты и глаза, в которых был страх. Такой же, как тогда в метро. А, может, и сильнее...

– Ну! – сказал Сюня, отодвигая меня от телескопа.

– Что это? – спросил я его.

– Америка! – почти радостно ответил он.

– Немцы бомбят Америку?.. – догадался я. – Или японцы?..

Но мой сумасшедший дядька только твердил свое «Зейст!» и не думал уступать мне место. Пришлось отталкивать его. И во время!

Дым из башни стал чернее и гуще. Но главное, из-за второй башни показался еще один самолет. Наверное, он был очень большим. И – без пропеллера!.. Самолет плавно развернулся и полетел прямо на вторую башню... И врезался в нее!

– А-а-а! – закричал я не в силах смотреть на все это...

– Дрerd! – оттолкнул меня Сюня. А я и не спорил. С меня хватило и того, что я видел... Но дядька смотрел. Кряхтел «ох!» и «ах!», поминал «мать», сам себе твердил «Зейст!»...

– Ну, говори! Говори, что там! – не выдержал я. Он как-то совсем понуро отвалил от телескопа.

А там!.. Первой башни уже не было. Там, где она стояла, поднималось серое пыльное облако. Облако растекалось по улице, оно догоняло людей и глотало их... А потом, прямо на моих глазах, рухнула и вторая башня. И второе страшное облако потекло вверх и в стороны.

– Нет! Нет! Нет! – Я резко крутанул ручку штатива, и телескоп отвернулся к звездам...

– Сеня! – раздался мамин крик. – Где тебя носит!

Чтобы я не мог спать? Такого еще не было. И все-таки: в эту ночь стоило мне закрыть глаза – и снова и снова падала башня... снова росло серое облако... снова оно накрывало бегущих... и сиплый сюнин голос твердил мне: – Зейст!.. Смотри!..

– Фишка! Перестань орать! – будила меня через комнату Жанна. А мама успокаивала:

– Спи, сынок!.. Что тебе снится?.. Бог с ним, это же только сон!..

«Утро красит нежным светом...». После сводки Информбюро» репродуктор хрипел праздничные песни... Это тетка Фрима включила его, когда пришла с ночной смены. Она работала грузчицей на хлебозаводе. А еще она была моложе своих сестер, поэтому все звали ее просто по имени...

Фрима долго разматывала шарфы и шали, в которые была укутана. Это был еще тот цирк. Потому что под всеми обертками к животу и спине были прилеплены круглые лепешки теста. Иногда мне удавалось отщипнуть кусочек. Тесто было сладкое. Его раскатывали на доске и лепили булочки.

Печь гудела, и через час баба Злата несла свой товар на рынок. С пылу, с жару!.. Но булочки даже Жанне и Вере не перепадали. Фрима копила деньги, чтобы купить пропуск в Москву.

Надо же! А в это утро она вдруг сунула мне румяное и сладкое чудо.

– Ешь, Семен! – сказала она.

– Ешь и собирайся! – испортила все удовольствие мама. – Придется тебе поработать сегодня вместо бабушки!

– Что?

– Что! Что!.. Что ты так боишься любой работы!.. Туалет не может стоять без дела. Людям же надо!.. Или ты хочешь, чтобы папа никогда не отдал долг и мы не вернулись в Москву?

– Фу! – Я даже перестал жевать. – Там же задохнуться можно! И кто будет убирать?

– Бабушка не на всю жизнь ушла! Продаст свой товар и отпустит тебя...

Взрослые всегда переспорят. Тем более, что булочку я все-таки заглотнул, а как говорила тетка Рейзл: – За все надо платить!..

Похоже, что это правда...

Дали мне бабкину сумку, билетный рулон. И пошел я, а мама кричала вслед: – Не шаркай ногами! Это еще не конец света!

А я ничего, справлялся. Брал гривенник, отрывал билетик, выдавал клочок газеты. Иногда вежливо покашливал, если человек примерзал к толчку. Очередь же не могла ждать.

Все шло хорошо, пока не появился Мордан. Я его сразу заметил и так про себя и прозвал. Лицо у него было шире одного места. И он сразу прихватил несколько лоскутков. Прошел внутрь, а там, смотрю, никаких дел не делает, а газетные картинки разглядывает. Потом зачем-то в «очко» заглянул. А потом вдруг рванул ко мне, выхватил всю стопку газетных лоскутков.

– Кто хозяин туалета? – спрашивает.

– Н... не знаю...

– Стой здесь! – говорит. Глазами на меня зыркнул и куда-то потопал.

А я, даже если бы очень захотел, и не смог бы теперь от сортира оторваться. В животе у меня сладкая булочка от страха кувыркалась.

Мордан пропал недолго. Вернулся, а вместе с ним какой-то брюхан. В военной форме, только без погон. Я его на открытии сортира видел.

– Вы директор рынка, – говорит ему Мордан, – и прямо у вас под носом разводят такую антисоветчину!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.